

ДРАМАТУРГИЯ

Александр СТРОГАНОВ

ИЕРИХОН

Комедия в 2-х действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ТОМИЛИН СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ, профессор, за 80

ТОМИЛИНА ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА, дочь профессора Томилина, около 50

ТОМИЛИНА АННА СЕРГЕЕВНА, её сестра, за 40

ТОМИЛИНА ЮЛИЯ СЕРГЕЕВНА, её сестра, около 40

РЕМЕЗОВ АНАТОЛИЙ ПАВЛОВИЧ, предприниматель, за 40, гражданский муж Юлии Сергеевны

ТЁМКИН ДМИТРИЙ ИЛЬИЧ, бывший врач, друг семьи Томилиных, за 60

Сцена представляет собой дачу Томилиных в Липках. Большой старый дом. Панорама тенистого яблоневого сада. Палевые интонации ранней осени.

УТРО

Просторная веранда.

Присутствует оса. Её то появляющееся, то исчезающее жужжание как будто комментирует происходящее на сцене.

Ольга Сергеевна и Анна Сергеевна в плетёных креслах. Ольга Сергеевна увлечённо изучает объёмный, судя по внешнему виду, старинный фолиант, курит, стряхивая в крохотную перламутровую пепельницу, из тех, что несёт в себе больше ритуала, нежели удобства. Пепел, пользуясь вольницей, составляет на лиловом платье любительницы папирос замысловатый узор из стрелок, точек и кружочков.

Анна Сергеевна как будто пьёт рубиновый чай из стакана в подстаканнике – на самом деле, безотрывно наблюдает за вензелями дыма и рождающимся на её глазах абстрактным рисунком. Всё её существо наполнено детским интересом, в любую минуту готовым обернуться восхищением или смехом.

Ольга, перевернув очередную страницу, ловит взгляд сестры.

ОЛЬГА Ты что?

АННА Я? Ничего. Пью чай.

Пауза.

ОЛЬГА Нет, ты не пьешь чай.

АННА (Протягивает стакан.) Да вот же, чай.

Пауза.

ОЛЬГА Ты занята совсем другим.

АННА Чем же, по-твоему, я занята?

ОЛЬГА Шпионишь за мной.

АННА Я?! Каким образом?

Ольга Сергеевна вновь погружается в чтение, всем своим видом показывая нежелание продолжать диалог.

АННА Нет, уж ты скажи! (Пауза.) Нет, уж ты скажи!

Без ответа.

Анну атакует оса. Крик. Опрокинуто кресло. Погоня за насекомым. Бегство от насекомого. Возвращение в кресло. Ольга не замечает или делает вид, что не замечает происходящего.

АННА (Отдышавшись.) Сидишь, как ни в чём не бывало. (Пауза.) Сестру атакует оса, а тебе никакого дела. (Пауза.) Уж я говорила папочке не трогать их гнездо. Да где там, разве он послушает? (Пауза.) Вот скажи, почему оса на меня нападает, а тебя не трогает? Почему? (Пауза.) Нет, уж ты скажи. (Пауза.) Нет, уж ты скажи!

Долгая пауза.

ОЛЬГА (Переворачивает страницу, достаивает Анну взглядом.) Ты приготовила завтрак?

АННА Давно уж. (Пауза.) Зачем ты спрашиваешь? Разве не слышала запах? (Пауза.) Слышала. Зачем спрашивать в таком случае? (Долгая пауза.) Что уж они так долго спят?

ОЛЬГА С дороги. Им нужно поспать (Возвращается к чтению).

Долгая пауза.

ОЛЬГА Хочешь, я и тебе налью чаю?

АННА (Не прерывая чтения.) Спасибо, не нужно.

Долгая пауза.

АННА Оленька, у тебя пепел на платье падает. (Долгая пауза.) И что уж это за дорога такая? Что уж устали? (Пауза.) Не пешком шли. (Пауза.) Ты видела их машину?

ОЛЬГА (Не прерывая чтения.) Нет.

АННА Ты не видела их машины?!

ОЛЬГА (Не прерывая чтения.) Нет. И не испытываю ни малейшего желания.

Пауза.

АННА (В оправдательных интонациях.) Мне, собственно, тоже всё равно. Я случайно увидела. (Пауза.) Откуда мне было знать, что они приедут на машине?

ОЛЬГА (Не прерывая чтения.) Успокойся.

Долгая пауза.

АННА Однако машина поразительная! Я и не знала, что такие бывают! (Пауза.) Морда как у акулы. (Пауза.) Нет, как у лошади. (Пауза.) Ну, конечно как у лошади. Я ведь акул-то не видела никогда. А лошадь видела. (Пауза.) Но лошади, в отличие от акул – добрые. (Пауза.) Хотя кусаются и те, и другие. (Пауза.) Но по-разному. (Пауза.) Лошадь человека съесть не может, а акула может. (Пауза.) Хотя, как знать? Разные обстоятельства бывают. (Пауза.) Да нет, лошади добрее. Лошади добрые, правда?

ОЛЬГА (Не прерывая чтения.) Правда.

Долгая пауза.

АННА Уж им бы отогнать эту машину подальше, чтобы папочка, не дай Бог, не увидел! (Пауза.) Он этого не перенесёт. Ой, не перенесёт! (Пауза.) И зачем, спрашивается, людям такие машины? (Пауза.) Что теперь будет?! (Пауза.) Пусть отгонят подальше, ты им скажи. (Пауза.) Ты им скажи – они и послушаются. (Пауза.) Тебя все слушаются, и они послушаются. (Пауза.) Не ровен час, папочка увидит...

ОЛЬГА (Не прерывая чтения.) Отсюда она не заметна, а за ограду отец никогда не выходит.

АННА (Голос дрожит.) А тут, вдруг, возьми и выйди!

ОЛЬГА (Не прерывая чтения.) Не сочиняй.

АННА (Переходит на крик.) И вот уж она пред ним, во всей красе. Не то акула, не то лошадь! И сверкает как рождественская елка! (На глазах слёзы.) Ой, что будет?! (Пауза.) Только бы он не мучился. (Пауза.) Оленька, больше всего на свете я боюсь мученичества. Смерть не так страшна как мученичества. (Плачет.) Вот ведь ты не знаешь, что это такое, а я знаю. Уж я в больнице натерпелась. Лежишь и думаешь, но почему же смерти-то нет? К кому она завернула по дороге? (Пауза.) Когда мучишься смерть кажется привлекательной и желанной. (Пауза.) Но тебе меня не понять. Ты не натерпелась, а я натерпелась! Потому можешь читать, когда я рассказываю. Всё равно, что я бы безделицу какую-нибудь рассказывала. (Пауза.) А уж чего только я не натерпелась там!

ОЛЬГА (Не прерывая чтения.) Однако когда все закончилось – решила жить вечно.

АННА А это обязательно. (Пауза.) А как же без этого, Оленька? (Пауза.) Постой, а откуда ты знаешь?

ОЛЬГА (Не прерывая чтения.) Да ты же сама и говорила мне.

АННА Говорила?

ОЛЬГА (Не прерывая чтения.) Конечно.

Пауза.

АННА Вот болтушка! Это я о себе. (Пауза.) Вот болтушка! Ненавижу себя за это! (Пауза.) С другой стороны, ты же мне сестра? Так и есть, ты мне – старшая сестра. Выходит, рассказать я тебе должна была? Должна была. Тут уж хочешь, не хочешь, а рассказать обязана. Правильно я рассуждаю?

ОЛЬГА (Не прерывая чтения.) Правильно.

АННА Только уж ты больше никому не говори.

ОЛЬГА (Не прерывая чтения.) Договорились.

Пауза.

АННА Тебе можно доверять.

ОЛЬГА (Не прерывая чтения.) Спасибо.

Пауза.

АННА Уж кому, кому, а тебе то можно доверять.

ОЛЬГА (Не прерывая чтения.) Спасибо.

Новая атака осы. Ритуал охоты за насекомым с последующим бегством и возвращением к креслу повторяется.

АННА (Отдышавшись.) Вот скажи, зачем нужны осы? Пользы от них никакой – один вред.

ОЛЬГА (Не прерывая чтения.) Мы ничего не знаем.

АННА Что?

ОЛЬГА (Не прерывая чтения.) Ничего не знаем.

Пауза.

АННА А почему тебя не кусают – тоже не знаем?

ОЛЬГА Нет.

Пауза.

АННА А почему меня кусают – тоже не знаем?

ОЛЬГА (Не прерывая чтения.) По-моему это – любовь.

АННА Что?

ОЛЬГА (Оставляет чтение.) Любовь.

Пауза.

АННА Ты на полном серьёзе это говоришь?

ОЛЬГА Разумеется.

Пауза.

АННА Зачем же она кусается?

ОЛЬГА А разве она тебя укусила?
АННА Нет. Но хотела.
ОЛЬГА Откуда ты знаешь?
Пауза.

АННА Я?
ОЛЬГА Да.
Пауза.

АННА Но они же кусаются?
ОЛЬГА Тебя кусали?
Пауза.

АННА Не помню. (Пауза.) Нет, как будто.
ОЛЬГА Вот видишь?
Пауза.

АННА (Изумление, открытие.) Вот как?!
ОЛЬГА Представь себе.
Пауза.

АННА (Обращаясь к невидимой осе.) Прости меня, осонька, прости, прости,
прости! (Пауза.) Улетела. (Пауза.) Не желает знать меня больше.
ОЛЬГА Успокойся. (Возвращается к чтению.)
Пауза.

АННА (На глазах слезы.) Хотела убить её. Какая же я, всё-таки, дрянь! В этой
части, Оленька, ты совершенно права. Дрянь! Дрянь, дрянь, дрянь!
ОЛЬГА (Не прерывая чтения.) Успокойся, она действительно могла тебя укусить.
АННА Да? (В глазах бесёнок.) Ты хотела обмануть меня?
ОЛЬГА (Оставляет чтение.) Так! Чего ты хочешь?
АННА Желаю знать своё будущее.
ОЛЬГА Что именно?
АННА Если она всё же укусит меня, что тогда?
ОЛЬГА Ничего особенного.
АННА Что? Что тогда?
ОЛЬГА Немного поболит и пройдёт.
Пауза.

АННА Я не умру?
ОЛЬГА Нет.
Пауза.

АННА И сильных мученичеств не приму?
ОЛЬГА Нет.
Пауза.

АННА А вот зачем ей это нужно? Вот зачем ей кусать меня, скажи на милость?
ОЛЬГА Она так целует.
Пауза.

АННА (Изумление, открытие.) Да-а-а?
ОЛЬГА Конечно.
АННА (Мечтательно.) Тогда я согласна.
Пауза.

ОЛЬГА Вопросов больше нет?
АННА (Мечтательно.) Тогда я согласна.
ОЛЬГА Всё. Не мешай мне. (Углубляется в чтение.)
АННА Надо же? Любовь.
ОЛЬГА Анюта, я просила тебя.
Долгая пауза.

АННА И что уж такого интересного в этой твоей книге?

ОЛЬГА (Не прерывая чтения.) Много всего.

Долгая пауза.

АННА Вот я бы, к примеру сказать, как она не смогла.

ОЛЬГА (Отрывается от книги.) Как?

АННА И спать и спать, и спать. (Пауза.) Уж какое утро! Свежестью пахнет! (Пауза.) Прохладно. (Пауза.) Чай. (Пауза.) Любовь. (Пауза.) Мысли разные в голову приходят, лошади. (Пауза.) Опять же ты читаешь, не кричишь.

ОЛЬГА Да разве я хоть раз повысила на тебя голос?

АННА Голос, может быть, и не повысила, но вот посмотришь иногда так, что сразу становится ясно – кричишь.

ОЛЬГА Не выдумывай (Возвращается к чтению).

Долгая пауза.

АННА Всё же я разбужу их.

ОЛЬГА (Не прерывая чтения.) Не смей!

АННА (Молниеносный ответ.) А сейчас? А сейчас вот, разве ты не кричала на меня?

ОЛЬГА (Переворачивает страницу.) Нет.

Пауза.

АННА Ну, уж я и не знаю тогда.

Входит Тёмкин. В его руках ведро и удочки.

АННА (Сияет.) Тёмкин, почему вы каждый раз ходите рыбачить без меня? Вот почему вы не хотите научить меня ловить карасей? (Пауза.) Вы боитесь, что я наловлю больше вашего? И наловлю. (Пауза.) Нет, я серьёзно, в чём дело, Тёмкин?

ОЛЬГА (Откладывает книгу.) Анюта, сколько раз я тебя просила не называть Дмитрия Ильича Тёмкиным? В твоём исполнении это звучит очень и очень вульгарно. Здравствуйте, Дмитрий Ильич.

АННА Хотите чаю, Тёмкин? Простите, Дмитрий Ильич, хотите чаю? Я только что заварила.

ТЁМКИН Спасибо, не откажусь.

Анна издаёт грудной кошачий звук, всплескивает руками, точно получив доказательство собственной правоты в чрезвычайно важном вопросе, бросает сестре многозначительное «Вот!» и устремляется в дом.

ТЁМКИН (Вслед.) Анюта, отнеси рыбу на кухню!

Опрокинув вазу с цветами, Анна возвращается, берёт одну из удочек, рассматривает её.

АННА Хороша эта удочка?

ТЁМКИН По мне хороша.

Пауза.

АННА А зачем верёвочка прозрачная? Чтобы рыбка не видела?

ТЁМКИН Да. Эта верёвочка называется леской.

Пауза.

АННА А то, что она прозрачная – коварство или гуманизм?

ТЁМКИН Вот это вопрос!

АННА Для чего она прозрачная? Чтобы обмануть рыбку, или чтобы она приняла смерть без томительного ожидания?

Пауза.

ТЁМКИН Откровенно говоря, Аннушка, я не думал над этим.

Пауза.

АННА Однозначного ответа нет. Можно и так, и так. Всё зависит от того, в чьих руках удочка. Согласны?

ТЁМКИН Согласен.

АННА Рассудительная я?

ТЁМКИН Ещё бы.

Анна подхватывает ведро и с уже знакомым урчанием исчезает в дверном проеме. Тёмкин усаживается в освободившееся кресло.

ТЁМКИН А вы всё читаете, Ольга Сергеевна?

ОЛЬГА Да.

ТЁМКИН И что же это, позвольте полюбопытствовать?

ОЛЬГА «Похвала глупости».

Тёмкин смеется.

ОЛЬГА Почему вы смеётесь?

ТЁМКИН Нет, нет, простите меня, ничего особенного. Просто такой выбор...

ОЛЬГА Чем же плох мой выбор?

ТЁМКИН Не знаю. Очевидно, хорош. Только мне представлялся какой-нибудь дамский роман.

ОЛЬГА Я похожа на поклонницу дамских романов?

ТЁМКИН Да, да, вы правы. Вот только кажется мне, что вам было бы полезно хоть иногда отвлекаться от философии.

ОЛЬГА Это не философия, Дмитрий Ильич. Это – дневники бессмертия. Философии я сама терпеть не могу.

ТЁМКИН Атеистическая чушь.

ОЛЬГА А вы простились с атеизмом, Дмитрий Ильич? Давно ли?

ТЁМКИН Я и не был никогда атеистом. Правда, в полной мере религиозным человеком назвать себя не могу, однако крещён, иногда бываю в церкви, когда чувствую вдохновение, да и дед мой, к слову сказать, был священником.

ОЛЬГА Нынче все сделались набожными.

ТЁМКИН Было бы неплохо, пусть и формально, на первом этапе, да только сдаётся мне, Ольга Сергеевна, что слухи о всеобщей набожности сильно преувеличены.

Согнувшись от тяжести, покряхтывая, Анна вносит громоздкий дымящийся самовар. Тёмкин тотчас вскакивает, снимает его и устанавливает на столе. Анна немедленно занимает своё место.

ТЁМКИН Что же ты не сказала, что отправилась за самоваром?

АННА Вот уж галантный кавалер, правда, Оленька?

ОЛЬГА Анюта, начинай, однако, носить стулья, детка. Скоро будем завтракать.

Анна убегает.

ОЛЬГА (Перебирает страницы.) Вот послушайте, Дмитрий Ильич. Если бы кто-нибудь сорвал на сцене маски с актёров, играющих комедию, и показал зрителям их настоящие лица, разве не расстроил бы он всего представления, и разве не прогнали бы его из театра камнями, как юродивого? Ведь всё кругом мгновенно приняло бы новое обличье, так что женщина вдруг оказалась бы мужчиной, юноша – старцем, царь – жалким оборвышем, бог – ничтожным смертным. Устранить ложь – значит испортить всё представление, потому что

именно лицедейство и притворство приковывают к себе взоры зрителей. Но и вся жизнь человеческая есть не иное что, как некая комедия, в которой люди, нацепив личины, играют каждый свою роль, пока Хорег не уведёт их с просцениума... И ещё. Разве так уж опасно заблуждался тот аргивянин, помешательство которого выразилось лишь в том, что он целые дни просиживал в театре один-одинешенек, смеясь, рукоплещая, радуясь, как будто присутствовал при исполнении восхитительной трагедии, тогда как в действительности перед ним не было ни единого актёра. Во всех остальных житейских делах он вел себя вполне разумно и дельно.

Но когда родственникам удалось победить болезнь лекарствами, и он пришёл в себя, то немедленно стал жаловаться:

... Не спасли вы меня, а убили,
Други, – сказал он, – клянусь! Ибо вы наслажденье исторгли,
Отняли силой обман, что приятнейшим был для сознания.

Каково? (Пауза.) Невероятно точно, не правда ли?

ТЁМКИН Скорее грустно. (Пауза.) Очень и очень жаль их.

ОЛЬГА Кого?

ТЁМКИН Да всех. И аргивянина, и семью его несчастную, и рабов. В конце концов, все умерли и ещё не факт, что тем сравнялись и примирились. Истина непостижима, свет в конце туннеля отсутствует. Неравенство и беспробудная тоска.

Входит Анна.

АННА Что уж рыбу-то жарить?

ОЛЬГА Стулья, стулья, Анюта. Рыба потом.

АННА Как скажете, сударыня. (Пауза.) Тёмкин, здесь осы. Целое стадо. Все поголовно влюблены в меня. Берегитесь. (Убегает.)

ТЁМКИН (Вслед.) Ты удочки-то верни мне.

АННА (Возвращается.) Ни при каких обстоятельствах. Пока не пообещаете мне твёрдо, что возьмёте с собой на рыбалку. (Убегает.)

Пауза.

ОЛЬГА Я, Дмитрий Ильич, пытаюсь осуществить давнюю свою мечту.

ТЁМКИН Что за мечта?

ОЛЬГА Я себе загадала, вот наступит старость, отойдёт вся эта бессмысленная тошнотворная суэта, усядусь в кресло и стану читать. Сутки напролет. Читать, читать. Ничего делать не буду. Только читать.

АННА (Вносит поднос с заварным чайником и чашками.) То оно и вышло. Анюта чай носит, а Оленька романы читает.

ОЛЬГА Стулья, Анна!

Анна убегает.

ТЁМКИН Побойтесь Бога, Ольга Сергеевна. Где же это старость-то вы увидели?

ОЛЬГА Отставить комплименты, Дмитрий Ильич – не по адресу. (Пауза.) А, потом, знаете, старость имеет столько преимуществ. Вот как раз у Эразма о старости много справедливого сказано. Хотите, найду вам это место?

ТЁМКИН Нет, нет, благодарю. Я теперь над первой вашей цитатой весь день плакать буду.

ОЛЬГА Как вам будет угодно. (Поднимается, наливает Тёмкину чай.) Однако попомните мои слова, пройдёт совсем немного времени, и вы попросите у меня эту книгу.

ТЁМКИН (Смеётся.) Всё может стать.

ОЛЬГА Впрочем, зачем вам? Ваша голова отдыхает.

ТЁМКИН (Улыбается.) Из чего это следует? (Принимает чай.) Благодарю.

ОЛЬГА (Возвращается в кресло.) Проверено. Как только мозги у мужчин отключаются, их тотчас тянет на комплименты.

ТЁМКИН Не знаю, что вы за человек, Ольга Сергеевна? Романов не любите, комплиментами пренебрегаете. Опасно это.

ОЛЬГА Очень может быть, что вы и правы.

АННА (Волоча по полу, вносит пару стульев.) А вы, Тёмкин мне комплименты делаете. Мне они – в радость. Опять же, романы я люблю очень.

ТЁМКИН Какие же ты любишь романы?

АННА Всякие. (Игриво смеется, убегает.)

Пауза.

ТЁМКИН (Ольге.) Вы просто устали. За плечами много печальных событий, отец не совсем здоров...

ОЛЬГА Не то, чтобы устала. И проблем не больше чем у других. (Пауза.) И вот что, Дмитрий Ильич, не слушайте, когда вам говорят, будто я все ещё в трауре по своему покойному мужу. (Пауза.) Наш брак не был идеальным, мягко говоря. (Пауза.) Вот, кажется, сморозила чепуху. Какая-то растерянность со вчерашнего вечера. (Пауза.) О чём мы с вами говорили? Ах, да. (Пауза.) Не знаю, поймёте ли вы меня? Слишком много разочарований. Слишком.

ТЁМКИН Ну, знаете, без этого не бывает. Всё зависит от взгляда. Вы же понимаете, всякий предмет имеет и обратную сторону. Кто-то назовёт это опытом.

ОЛЬГА Вы – доктор, вам положено так говорить.

ТЁМКИН (Вздыхает.) Был когда-то доктором, Ольга Сергеевна. Теперь всё в прошлом.

Пауза.

ОЛЬГА Сколько раз я просила вас называть меня Ольгой? Ольга – так просто, а мне было бы теплее.

Пауза.

ТЁМКИН Играете со мной, Ольга Сергеевна?

ОЛЬГА Отнюдь.

Пауза.

ТЁМКИН Да вот никак не могу настроиться. Это оттого, что вы на Дмитрия не соглашаетесь.

ОЛЬГА Если вы и впрямь галантный кавалер, как утверждает Аня, и вам действительно хочется, чтобы я чувствовала себя моложе, так и должно быть – Дмитрий Ильич и Ольга, Ольга и Дмитрий Ильич.

ТЁМКИН Но в таком случае я выгляжу ископаемым. А это жестоко. Вглядитесь в меня хорошенько, что общего у меня с троглодитом?

ОЛЬГА Вы плохо выбриты.

Пауза.

ТЁМКИН А у меня закончились лезвия. (Пауза.) Нет, не то. (Пауза.) Я намерен отпустить бороду. Как у безбожного графа Льва Николаевича Толстого.

ОЛЬГА И писать станете?

ТЁМКИН К сожалению, всё уже написано. Вот выводов не сделано, а написано всё, поверьте.

ОЛЬГА Да и какой же вы Дмитрий? Дмитрий – землеша, а вы сутки за удочками дремлете, да в гамаке валяетесь. (Пауза.) Попиваете втайне.

ТЁМКИН Кто вам сказал?

ОЛЬГА А иначе и быть не может. Это закон и аксиома.

Пауза.

ТЁМКИН А хотите, я принесу вам своего вина?

ОЛЬГА Нет.

ТЁМКИН Напрасно. Я своим вином горжусь. (Пауза.) А хотите, украду вас, и отнесу к себе? Вы же никогда не бывали у меня? Неужели вам не интересно?

Пауза.

ОЛЬГА Что это с вами сегодня, Дмитрий Ильич?

ТЁМКИН (Грустно улыбается.) Сам не знаю. Что-то с кровью. Шумит как игристое.

Странное утро.

ОЛЬГА Это давление. Принести тонометр?

ТЁМКИН Я всё понимаю. И принимаю, все ваши чудачества. (Пауза.) Это мило. Пахнет стариной, но, Ольга Сергеевна, дорогая, игра ваша затянулась и уже смотрится абсурдом. (Пауза.) Да как же можно заточить себя до конца дней? За что? Чем вы провинились перед миром, и чем мир-то виноват? (Пауза.) Не угоден? Так это другое. Можно не любить его, отторгать – соглашусь, сам недоумеваю и раздражён не меньше вашего, но добровольное заключение?! Это уже пахнет самоубийством.

ОЛЬГА И довольно.

Пауза.

ТЁМКИН Впрочем, что я лезу к вам? Живите, как хотите!

ОЛЬГА Ну-ну-ну. Отставить уныние! (Пауза.) Вы, Дмитрий Ильич, наш лучший друг, ангел наш. (Пауза.) Мы вас любим так, как теперь не любят. Обожаем, боготворим вас. (Пауза.) В самом деле, что мы без вас? (Пауза.) Да если бы вам захотелось чего-либо от нас настоящего, неужели вы всерьез думаете, что вам было бы отказано? (Пауза.) Вот только вам ничего не надобно, если на чистоту. Вам ведь теперь покой дороже всего, не так ли? (Пауза.) Вам ведь не хочется сомнений, терзаний, боли, правда? (Пауза.) Вы с величайшим облегчением оставили все это в прежней жизни, верно?

ТЁМКИН Зачем вы так?

ОЛЬГА Это – правда. Чистая правда. И говорю я вам это не с упреком. Со мною ведь та же история приключилась. И если бы не болезнь отца, я, пожалуй, могла бы назвать себя счастливой.

ТЁМКИН Но неужели вам не одиноко?

ОЛЬГА А что такое одиночество – вы знаете?

ТЁМКИН Думаю, что знаю.

ОЛЬГА Нет, Дмитрий Ильич, не знаете и знать не можете, потому что мужчина. В одиночестве понимают только женщины, ибо по определению зависимы. Так вот, самая страшная форма одиночества – это одиночество вдвоём. Когда нет возможности и сил бороться за жизнь. Понимаете?

ТЁМКИН Вы обожжены первым браком.

ОЛЬГА Давайте уйдём от этой темы. (Пауза.) Между прочим, если бы нас связывало нечто большее, чем дружба, вы бы мне этого сделать не позволили.

Пауза.

ТЁМКИН (Смеётся.) Прихлопнула как комара.

ОЛЬГА Так уж и комара.

ТЁМКИН Очень странное утро. (Пауза.) Действительно хочется выпить.

ОЛЬГА Вот и подтверждение моих слов.

ТЁМКИН Чаю. (Смеётся.)

Долгая пауза.

ОЛЬГА Скучаете по профессии?

ТЁМКИН Иногда. (Пауза.) Не смертельно. (Пауза.) Я же, вы знаете, в деревне иногда практикую. (Пауза.) Но, знаете, уже не в охотку. Как говорится, исключительно для поддержания штанов. (Пауза.) Мне с вами хорошо. Правда. (Оживляется.) Мог ли я в юности предположить, что когда-нибудь дни напролет буду проводить в обществе самого профессора Томилина?

ОЛЬГА (Вздыхает.) Теперь уж он не тот.

ТЁМКИН Для меня ничего не изменилось. (Пауза.) И потом, вы должны учитывать, что с годами прошлое делается ярче и, пожалуй, реальнее настоящего. (Пауза.) Нас в студенчестве одно упоминание его имени в дрожь вгоняло. Вам по причине родства, невдомёк, что такое профессор Томилин! Глыба! Никогда не признавал компромиссов. Любил говорить,

что всякий компромисс – шаг в пустоту. (Пауза.) Мог и указкой ударить. Да вы и сами знаете – вы ведь точная копия своего отца.

ОЛЬГА Что вы? Мы совсем разные. Я – слабая женщина.

ТЁМКИН Это вы – слабая женщина?!

ОЛЬГА Конечно.

ТЁМКИНА Да будь вы слабой женщиной, Ольга Сергеевна, я бы уже давно всякое ваше утро превратил в розовый сад. Я бы, не сомневайтесь, сумел отвлечь вас от тяжёлых книг.

ОЛЬГА Я же просила вас, Дмитрий Ильич, целый монолог вам только что выдала.

ТЁМКИН Пожалейте, оставьте мне хоть слова.

ОЛЬГА А это – пожалуйста. Сколько угодно.

Пауза.

ТЁМКИН Вам же приятно, признайтесь, иначе быть не может?

ОЛЬГА Вы безнравственны, не находите?

ТЁМКИН Ольга Сергеевна, мы уже в той стадии своего развития, когда...

ОЛЬГА Дальше последует пошлость, пошлости я не люблю. А по сему, довольно пустых хлопот на сегодня. (Пауза.) И возьмите же, наконец, когда-нибудь Анну с собой на рыбалку. Я хоть отдохну от неё, в самом деле.

Пауза.

ТЁМКИН Весы – одно слово.

ОЛЬГА Что?

ТЁМКИН По гороскопу вы весы, если не ошибаюсь? Единственный неодушевлённый знак зодиака.

ОЛЬГА Вот-вот. Эта чертовщина и погубила всё.

ТЁМКИН Отчего же чертовщина? Древняя наука. (Пауза.) Я так думаю, Ольга Сергеевна, погубило нас то, что мы оказались неготовыми к возвращению библейских времён. Мы, видите ли, волею судеб, однажды зажмурились крепко и надолго. Веру подрастеряли, безбожниками не стали. Так, серединка на половинку. А тем временем всё движется по спирали, если вы помните. В космос слетали – пора к Вавилону возвращаться. А мы глаз-то ещё не открывали. Вот и получается: на дворе новое тысячелетие, уж новые чудеса на пороге, а мы все в черноте кромешной. И космоса толком не видели, и Второе пришествие проспим.

ОЛЬГА Вы всё шутите. Это хорошо. Говорят, продлевает жизнь, но не лечит, увы.

ТЁМКИН Я не шучу. Я всё плачу.

ОЛЬГА В таком случае, отчего бы вам ни вернуться в город? Там веселее. Работой вы были бы обеспечены. Квартиру вы не потеряли, насколько я знаю. Что же вы в Липки прозябаете? Дальше Липок места нет на земле – ваши слова.

ТЁМКИН Видите ли, у меня в городе сердце начинает пошаливать и кашель появляется.

ОЛЬГА Поверьте как старому другу, Дмитрий Ильич, шутка – не ваша ампула.

ТЁМКИН И указкой по голове. Вылитый профессор.

Смеются.

ОЛЬГА С нами он всегда был ласков. (Пауза.) Даже чересчур.

Долгая пауза.

ТЁМКИН Что касается работы – в моей профессии руки требуются. Я ведь, Ольга Сергеевна, золотой скальпель имею – не сидеть же мне на приеме в амбулатории? (Пауза.) Не прав? (Ловит сочувствующий взгляд Ольги Сергеевны, улыбается.) Нет-нет, не думайте, со мной все хорошо. И, потом, у меня есть образец для подражания – вот ваш папенька тоже не у дел.

ОЛЬГА Он – другое. Он не у дел по убеждениям.

ТЁМКИН (Смеётся.) А знаете, я всегда разделял его убеждения.

ОЛЬГА Да-а-а?

ТЁМКИН Я, может быть, жалею, что не пустился в затворничество сразу же следом за ним.

ОЛЬГА Сами себе противоречите.

ТЁМКИН Из противоречий соткан человек.

ОЛЬГА Противоречия – не единственный материал. Это вам как верующему человеку должно быть хорошо известно. В противном случае, всё не имеет смысла.

ТЁМКИН Как вы сказали? Не имеет смысла? А ведь вы недалеко от истины. Вы ведь теперь в самую точку попали. Смысла нет. Если бы вы, дорогая Ольга Сергеевна, ещё сумели принять это сердцем, уверяю вас, следом незамедлительно наступила бы легкость необыкновенная.

ОЛЬГА И вы тотчас погрузили бы меня в пучину разврата.

ТЁМКИН Нет, серьёзно, разве не хочется вам быть лёгкой? Хотя бы один день? Почувствовать, что это такое?

ОЛЬГА Нет.

ТЁМКИН Чёрт возьми, даже ваша сказочная вредность, хотите – верьте, хотите – нет, вам, Ольга Сергеевна, к лицу! Ах, как жаль, что я не увязался за вами сразу! Быть может, начни я ухаживать раньше...

ОЛЬГА Слова?

ТЁМКИН Умолкаю с зияющей раной в груди. (Пауза.) Нет, нет, вам определённо показаны дамские романы.

ОЛЬГА Избави Бог.

Пауза.

АННА (Вносит новую пару стульев.) А оне всё спят и спят. Уж сколько можно спать? (Пауза.) Лежат, не шелохнутся. (Пауза.) Я уж думала померли. Ан, нет, он ручкой вот так повёл, по одеялу похлопал, как будто ищет кого, и снова спать.

ОЛЬГА Погоди-ка, ты что, подсматривала?

АННА Разумеется. (Пауза.) Между прочим, там, в гардинах притаилась оса. Сидела тихонько – их не трогала. Стоило увидеть меня – тотчас атака. Почему?

ОЛЬГА Ну что с ней делать, Дмитрий Ильич?

АННА (Задумчиво.) Ручкой вот так повёл. Кого-то искал. (Пауза.) Кого? Вот – вопрос. (Пауза.) Оленька, ты не знаешь, у них собаки нет? (Пауза.) Может быть, с ними собака живёт? Так зачем же они её к кроватям приучили? Уж собак в кровати пускать нельзя. Правильно я говорю, Дмитрий Ильич? (Пауза.) А вы что-то загрустили, Тёмкин. Не печальтесь. Сейчас будем завтракать. Хотите пирогов с яблоками?

ТЁМКИН (Улыбается.) Очень.

АННА Так уж будут вам пироги. (Хвастливо.) Я пекла. (Со знакомым грудным звуком убегает.)

ТЁМКИН (Ольге.) У вас гости?

ОЛЬГА Юлия. Наша младшая сестра. Со своим другом.

АННА (Вносит стулья.) С мужем (Убегает.)

ОЛЬГА Со своим другом.

ТЁМКИН У вас есть сестра?

АННА (Вносит ещё пару стульев.) Юлька. Наша младшенькая. Стерва, конечно. Но прекрасна, как Шахерезада. Прекраснее нас и моложе, что беспокоит мою мучительницу, сестру Ольгу.

ОЛЬГА Анна!

АННА Тёмкин, лучше теперь бегите прочь, не то Юлька проснётся и вскружит вам голову. Так уже было...

ОЛЬГА Анна!

АННА С покойным Николаем Ивановичем, Оленькиным мужем, Царствие ему небесное!

ОЛЬГА (Анне.) Я, в самом деле, выпорю тебя! Подумать только, какая подлость?!

АННА А сколько можно издеваться над Тёмкиным?! Уж Тёмкин и рыбки принесёт, и грибочков принесёт, и слова такие говорит, а она – точно изваяние.

ОЛЬГА Анна!

АННА Не боюсь тебя и всё! Тёмкин, я тайно влюблена в вас. Лучше вас никого нет. Ухожу краснеть и стыдиться своих слов. (Нарочито медленно уходит.)

ТЁМКИН (Смеётся.) Прелесть!

ОЛЬГА Надо с ней пожить сорок лет, чтобы оценить по достоинству.

Пауза.

ТЁМКИН А вы никогда не говорили о том, что у вас есть ещё одна сестра.

ОЛЬГА Она живёт в городе. Так что и говорить-то не о чем.

Пауза.

ТЁМКИН Ваша родная сестра?

ОЛЬГА Родная, как будто.

Пауза.

ТЁМКИН То-то я вижу – на въезде автомобиль. Небывалое зрелище для этих мест.

АННА (Вносит ещё пару стульев.) Ага, вы видели этого красавца?

ТЁМКИН Да.

АННА (С вызовом.) Ну и как он вам? Правда, на лошадь похоже? (Пауза.) Или все же на акулу? (Пауза.) Помогите мне разобраться, Тёмкин. Я терзаема сомнениями, честное слово. Акул я никогда не видела, разве что на картинках. С одной стороны, лошадиное в морде этой машины просматривается очевидно. Но, с другой стороны, есть в ней что-то определённо хищное. (Пауза.) Помогите мне, Тёмкин, вы то уж наверняка акул в своей жизни повидали?

ТЁМКИН Случалось. Одно время я работал в Гаване...

Анна, не дослушав Тёмкина, убегает.

ТЁМКИН Она мне слепой дождик напоминает. Правда, есть в ней что-то от слепого дождика?

ОЛЬГА Обожаемая вами легкость. Вот что, Дмитрий Ильич, у нас таблетки кончились. Вы бы раздобыли. Не собираетесь в деревню?

АННА (С новой парой стульев.) Никаких таблеток, Тёмкин! Они меня уморить хотят. (Убегает.)

ТЁМКИН Мне кажется, Ольга Сергеевна, Ольга, простите, вы много лекарства даёте ей. Я же приносил вам только две недели назад.

ОЛЬГА У отца бессонница, у меня бессонница.

ТЁМКИН А уж вам-то с отцом и вовсе ни к чему. Заварите пустырника, мяты...

АННА (С новой парой стульев.) Вот-вот! И я им говорю! (Намеревается бежать.)

ОЛЬГА (Анне.) Стоп! Зачем столько стульев? Довольно!

АННА А откуда тебе знать, Оленька, сколько соберётся гостей?

ОЛЬГА Каких гостей, Анюта?

АННА Уж не знаю, только вещает моё сердечко! Уж если одна машина прорвалась...

ОЛЬГА Прекрати валять дурака! У меня от тебя уже голова заболела. Никого больше не будет, слышишь? Никого.

АННА А мальчик Алеша?

ОЛЬГА Анюта, я, как будто, просила тебя?..

АННА Ну, вот. Скажите, Тёмкин, кричала она сейчас на меня?

ТЁМКИН (Улыбается.) Не знаю, я не обратил внимания.

АННА Обратили, обратили. Уж как кричала то ещё! Просто вы, Тёмкин, интеллигентный человек, а потому стесняетесь сказать. А я вот только что сказала. Прямо в глаза ей сказала, – Оленька, ты стала покрикивать, имей это в виду. (Пауза.) Вы уж привезите таблеток, доктор. Вот уж только не для меня, а для неё. И уж проследите, доктор, чтобы таблеточки шли по назначению. (Пауза.) А уж если человек выздоровел, так он уж выздоровел, и нечего его травить. Оне уже давно хотят отравить меня, Тёмкин. (Ольге.) Только кто вам будет пироги печь и самовары носить? Уж не знаю. Так, наверное, с голоду-то и издохти.

ОЛЬГА Боже мой, это что-то новенькое! Это что за «издохти»?
АННА А то и «издохти»! Вот Тёмкин знает. Спроси у него.
ТЁМКИН (Смеётся.) Ну, так что, Анюта, будешь ты меня пирогами кормить?
АННА Вас буду. А оне уж как хотят.
ТЁМКИН Не сердись на них.
АННА Как же не сердиться?
ТЁМКИН Они – хорошие.
АННА (Садится в кресло.) Да я знаю, что хорошие. Я жалею их, Тёмкин. И Юльку жалею, но больше всех – папочку.

Пауза.

ТЁМКИН А надолго они приехали?
АННА (С вызовом.) Навсегда.
ОЛЬГА Анюта, прошу тебя, оставь свои глупости, это же невысказано всё утро молотить вздор.
АННА Почему вздор? Уж не думаешь ли ты, что им захочется уехать из такого-то рая? А когда они наших яблок отведают!..
ОЛЬГА Замолчи немедленно, дрянь!
ТЁМКИН Ольга Сергеевна, что случилось? Да вы не в себе. Я сразу не рассмотрел, а теперь вижу. (Пауза.) Что с вами? (Пауза.) Что случилось?
ОЛЬГА Случилось, Дмитрий Ильич. Случилось. (Пауза.) Вот, хотела сама принять решение, да что-то ничего не выходит, придется советоваться с вами. (Пауза.) Хоть вы и небриты. (Пауза.) Дело вот в чём. (Пауза.) Они приехали не просто так, в гости, но с определённой целью.
АННА Ой, да они соскучились, Оленька.
ОЛЬГА Приехали с определенной целью. Иного и быть не могло. Им до нас нет никакого дела, как и нам до них.
АННА Уж что ты такое говоришь?!
ОЛЬГА Они хотят отправить к нам, разместить здесь, расквартировать, не знаю, что ещё, поселить своего отпрыска – его сына от первого брака. Пятнадцатилетнего оболтуса, мотоциклиста...
АННА Уж сразу мотоциклиста!
ОЛЬГА ...Он что-то там натворил, связался с компанией, проигрался в карты – не знаю. Одним словом, хотят его спрятать здесь на некоторое время...
АННА Юленька говорит – очень хороший мальчик.
ОЛЬГА ...Привезли с собой огромные сумки. Суют мне какие-то деньги. Я, разумеется, сказала сестре, что если ещё раз увижу эту гадость, сожгу в печке...
АННА Уж мы небогато живём. Она – сестра наша. Могла бы и взять. Я – обветшалась.
ОЛЬГА ...На большее меня не хватило. (Пауза.) Я, Дмитрий Ильич, не знаю, как отказать. (Пауза.) Не нахожу ни сил, ни слов. Издержки воспитания. (Пауза.) Куриная слепота. Обморок. Транс. Называйте, как хотите. Но, если отец, даст Бог, ещё как-нибудь выдержит приезд этой женщины, хотя их отношения почти разорваны, явление вольного юноши вне сомнений обернётся для него смертью...
АННА (На глазах слёзы.) Оленька, что ты говоришь?!
ОЛЬГА ...притом мучительной смертью. У него, вы знаете, Дмитрий Ильич, уже был инсульт. Если его парализует, я попросту сойду с ума...
АННА (Плачет.) Оленька!
ОЛЬГА ...А наследственность в нашем роду, как видите, тому располагает...
АННА (Сквозь слёзы.) Кого ты имеешь в виду, Оленька?
ОЛЬГА Эта компания – из *того мира*, понимаете, Дмитрий Ильич? До корней волос. Вы бы видели их манеры, как они одеты, какой запах от них исходит. Это запах борделя. Да что я вам втолковываю, когда вы машину их видели? Эти гости – крах, понимаете? (Пауза.)

Четырнадцать лет здесь не было чужих. Мы прожили четырнадцать счастливых лет. (Пауза.) Отец, как будто помолодел. Анюта стала спокойнее.

АННА (Сквозь слёзы.) Что ты имеешь в виду, Оленька? (Пауза.) Ненавижу тебя, хоть ты и сестра мне! (Убегает.)

ОЛЬГА Вот видите – начинается. Я – в отчаянии!

Пауза.

ТЁМКИН Успокойтесь.

ОЛЬГА Я не знаю, что делать! Это – катастрофа!

Пауза.

ТЁМКИН Прежде всего, нужно успокоиться. Всё образуется. (Пауза.) Приедет парнишка, и что? (Улыбается.) Долой панику! Молодой крови попьём, Ольга Сергеевна, сами помолодеем.

Пауза.

ОЛЬГА Уф-ф, надо держать себя в руках. (Пауза.) Простите. (Пауза.) А вы немногим отличаетесь от Анюты.

ТЁМКИН Да что вы, в самом деле? Хотите, я возьму его к себе?

ОЛЬГА На пару вино пить будете?

ТЁМКИН Будем вместе встречать рассвет, ходить на охоту...

ОЛЬГА Нет-нет, это невозможно. Он всё равно будет являться к нам. Ругаться по матери.

ТЁМКИН Что же сразу ругаться?

ОЛЬГА Будет непременно. Теперь это у них государственный язык. Редко, когда простое слово проскочит. А в основном всё – матерщина. (Пауза.) Нет, отец не выдержит. (Пауза.) Мы все умрём. Безвыходная ситуация.

ТЁМКИН Мне думается, напрасно вы волнуетесь за Сергея Петровича, он – добрейший человек. (Пауза.) Знаете, однажды мы притащили к нему на лекцию ужа. Настоящего ужа. Вы же знаете, что он боится их, точно змей....

ОЛЬГА Перестаньте заговаривать мне зубы.

ТЁМКИН Ольга, да что с вами? Я вас не узнаю.

ОЛЬГА Я сама себя не узнаю.

ТЁМКИН Все будет хорошо. (Пауза.) А не кажется вам, Ольга Сергеевна, что мы сегодня представляем для них большую опасность, нежели они для нас?

ОЛЬГА О чём вы?

ТЁМКИН Да они же как дети.

ОЛЬГА Не знаю, не знаю. (Прислушивается.) Ну, вот, наклекала, как будто, идут. (Берёт в руки книгу, делает вид, что читает.)

В сопровождении Анны Сергеевны входит Юлия Сергеевна.

Юлия – в шелковом пеньюаре, на Анюте шелковый красный платок.

АННА Мне подарен платок. Я не сниму его до конца дней. Фразы о том, что всякий дурачок любит красненький клочок, я не знаю и знать не желаю.

ЮЛИЯ Аннушка, ну что ты такое говоришь?! Это очень модный платок. Я покупала его для себя. В Брюсселе. В очень дорогом магазине.

АННА (Тёмкину.) Красавица наша!

ЮЛИЯ (Замечает Тёмкина.) Ой, простите, я вас не увидела.

ТЁМКИН (Поднимается с кресла.) Тёмкин Дмитрий Ильич, сосед и нахлебник.

ЮЛИЯ Очень приятно. Юлия. (Пауза.) Вы уж меня простите, я ещё от сна отойти не могу. Здесь так дивно спать! (Пауза.) Как же хорошо в Липках! Какой воздух! (Пауза.) А я ведь здесь была в последний раз, когда мне... погоди-ка, дай вспомнить... да, мне тогда исполнилось одиннадцать. Мы отмечали мой день рождения. (Пауза.) Тетя Лиза ещё была жива. (Пауза.) Оля, ты слышишь меня?

ОЛЬГА (Отрывается от чтения.) А, это ты? Уже проснулась? Прости, я увлеклась чтением. Здравствуй, Юленька. (Откладывает книгу.)

ЮЛИЯ Оля, ты помнишь, когда я была здесь в последний раз?

ОЛЬГА А разве ты была здесь?

ЮЛИЯ Ну, конечно. (Пауза.) Ты что же, всё забыла?

ОЛЬГА Садись. Скоро будем завтракать.

Анна и Юлия рассаживаются в кресла. Пауза.

АННА (Юлии шепотом.) Она всё помнит. (Пауза.) Немножко сердится на тебя, за то, что ты так долго не приезжала, но ты знаешь, она отходчивая. (Пауза.) Всё будет хорошо.

Пауза.

ЮЛИЯ Оленька, а в каком году умерла тётя Лиза?

ОЛЬГА Не знаю. Это у папы следовало бы спросить. (Пауза.) Но лучше этого не делать. Упоминание смерти всякий раз расстраивает его. (Пауза.) С ним теперь нужно говорить о яблоках.

Пауза.

ЮЛИЯ Он совсем плох?

ОЛЬГА Напротив. Если ты помнишь, он собирается жить до трехсот лет, с этой целью пьёт эликсир собственного изготовления. У него как будто даже стало меньше седины.

Пауза.

ЮЛИЯ Он всё ещё верит в это?

ОЛЬГА Больше, чем прежде.

Пауза.

ЮЛИЯ Наверное, это хорошо. Человек должен во что-то верить.

Пауза.

ТЁМКИН А вы, Юлия Сергеевна, находите это невозможным?

ЮЛИЯ А вы полагаете, что это – не чудачество?

ТЁМКИН Нет.

ОЛЬГА И вы туда же, Дмитрий Ильич?

ТЁМКИН Случаи долголетия – исторический факт. В Китае Лао-Цзын прожил пятьсот лет. Ему установлена статуя, предмет паломничества жаждущих бессмертия. (Пауза.) Конечно, выглядел он к концу жизни, судя по изображению, далеко не красавцем, но для того, чтобы прожить пять веков чем-то приходится жертвовать.

ОЛЬГА Опять вы со своим Китаем? Неужели вы не понимаете, что у них всё не так, как у обыкновенных людей.

ТЁМКИН Ну что же я могу поделать, если меня чрезвычайно занимает Китай? Особенно терракотовая армия. Ведь для чего-то была же она создана?

ОЛЬГА У них жизнь не месяцами, а тысячелетиями измеряется.

ТЁМКИН Так и должно быть, Ольга Сергеевна. В идеале так и должно быть.

ОЛЬГА Не знаю, не знаю.

АННА Не знаешь, так молчи. А я верю в папочкино бессмертие. (Пауза.) Только бы его не парализовало.

ОЛЬГА Анюта, опять глупости?

Пауза.

АННА Тёмкин, а паралитики очень страдают?

ТЁМКИН Конечно.

АННА Очень-очень?

ТЁМКИН Да, Аннушка.

АННА Ах, как жаль! Надо бы не допустить этого.

ОЛЬГА Анна!

Пауза.

АННА (Юлии.) А ваш Алёша точно приедет?
ЮЛИЯ Не знаю. Он, к сожалению, часто не держит слова.
АННА Но он – хороший мальчик?
ЮЛИЯ Он добрый. Только не волевой. (Пауза.) Это – наша вина. (Пауза.)
Получается, что нам некогда заниматься с ним. Так много дел.
ОЛЬГА И у тебя дела?
ЮЛИЯ А как же? Анатолию Павловичу одному не управиться.
Пауза.
ОЛЬГА А где родная мать Алеши?
ЮЛИЯ Погибла.
Пауза.
ОЛЬГА А как она погибла?
ЮЛИЯ Покончила с собой.
Пауза.
ОЛЬГА А каким способом она покончила с собой?
ЮЛИЯ Утопилась. В ванне. Но зачем тебе эти подробности?
Пауза.
ОЛЬГА А вы с Анатолием Павловичем уже были знакомы к тому времени?
ЮЛИЯ Да, но какое это имеет значение? (Пауза.) Мы были всего лишь друзьями.
(Пауза.) Это никак не связано... (Пауза.) На что ты намекаешь? (Пауза.) Ольга, по-моему, мы уже давно объяснились. (Пауза.) И условились не вспоминать былое. И ты поняла меня. И мы простили друг друга. И всё это уже в прошлом. И быльём поросло. И, в конце концов, это жестоко...
ОЛЬГА И довольно об этом.
Долгая пауза.
АННА Как своим, без передачи, признаюсь, я тоже потихоньку пью папочкин эликсир.
ЮЛИЯ А сколько ты намерена прожить?
АННА Триста сорок семь лет.
ОЛЬГА Скажи на милость, откуда такая точность?
АННА Мне очень нравится это число. Только не спрашивайте почему. Уж я и сама не знаю. (Пауза.) Хотите, я и вам принесу? У него огромная бутылка, так что он и не заметит.
ОЛЬГА Нет уж, уволь.
Пауза.
АННА Юленька, будешь?
ОЛЬГА Мне бы теперь яду.
АННА И яд у папочки есть. Но яду я тебе не дам. Я не знаю, где он у него лежит. А вы, Тёмкин, не желаете эликсира?
ТЁМКИН А я больше вино люблю.
ЮЛИЯ Послушайте, мы же привезли роскошное вино! И много других вкусностей.
Анюта, ты разобрала сумки?
АННА Оленька запретила мне.
ЮЛИЯ Оля, почему?
АННА Нам это вредно.
Пауза.
ЮЛИЯ Что же, везти всё назад?
АННА Разумеется. А на что ты рассчитывала?
Пауза.
ЮЛИЯ Ольга, прошу тебя, не нужно обижать нас. Если бы не безвыходность ситуации, поверь, мы бы не потревожили вас. Очень жаль мальчишку. Хоть он и не родной мне...

ОЛЬГА Юля, ещё раз говорю, нам эта пицца не годится. (Пауза.) У отца неблагоприятно с желудком. (Пауза.) Он не удержится. Вы уедете, а мне потом возиться с ним?

Пауза.

АННА Оленька, может быть, один раз, в порядке исключения, как-нибудь можно?

ОЛЬГА И не уговаривайте.

ЮЛИЯ Ну, не знаю. (Пауза.) Я думала, мы все вместе посидим, отпразднуем встречу. (Пауза.) Так долго не виделись.

ОЛЬГА В конце концов у нас есть и своё вино, правда, Дмитрий Ильич?

ТЁМКИН Да, ещё какое! Принести?

ОЛЬГА Не нужно пока.

Долгая пауза.

АННА Юленька, а твой кавалер не будет ругаться, что ты отдала мне свой платок из Брюсселя?

ОЛЬГА Анюта!

ЮЛИЯ Нет, Аннушка, он не будет ругаться. Он будет очень рад. А когда увидит тебя в нём, возможно, что и счастлив.

Пауза.

АННА Что, идёт мне платочек?

ЮЛИЯ Очень.

Пауза.

АННА А вы что скажете, Тёмкин?

ТЁМКИН Замечательно идёт. Только ты его поноси немного и сними, ещё тепло, не по сезону сейчас.

Пауза.

АННА Завидуете мне, Тёмкин?

ТЁМКИН Не без этого.

Долгая пауза.

АННА Что же, Юленька, твой кавалер все ещё спит?

ОЛЬГА Анна!

ЮЛИЯ Анатолий Павлович проснулся. Приводит себя в порядок. Сейчас спустится.

АННА Он у тебя красавец-мужчина, Юленька. Имей это в виду. (Пауза.) Он у тебя принц. Ты его далеко от себя не отпускай. (Шепотом.) Знаешь, он давеча так на Ольгу смотрел...

ОЛЬГА Анна!

Пауза.

АННА Ну, так что уж, нести пироги?

ОЛЬГА Подождём отца.

В ярком белом костюме входит Ремезов.

РЕМЕЗОВ Всем доброе утро.

АННА (Юлии шепотом.) Как есть Гамлет. Уж где ты его нашла?

РЕМЕЗОВ (Анне.) Вы что-то сказали?

АННА (Игриво.) Я вот всё размышляю, а не лучше ли было бы вам завести настоящую лошадь?

РЕМЕЗОВ О чём вы?

АННА Ваша машина напоминает лошадь, не правда ли? Вот я и думаю, не лучше было бы вам завести настоящую, то есть подлинную лошадь.

РЕМЕЗОВ (Смеётся.) Ах, вот оно что? Я как-то не задумывался об этом.

АННА А вы призадумайтесь.

РЕМЕЗОВ Хорошо. (Тёмкину.) Мы, кажется, не знакомы, я – Ремезов. Анатолий Павлович.

ТЁМКИН Дмитрий Ильич. Тёмкин.

Обмениваются рукопожатием. Пауза.

ОЛЬГА Хотите чаю, Анатолий Павлович?

РЕМЕЗОВ Откровенно говоря, я поклонник кофе.

ОЛЬГА Простите, кофе не держим. Нам очень вредно.

РЕМЕЗОВ Напрасно вы думаете, что кофе вреден. Вот я совсем недавно читал...

АННА А мне кажется, лошади вполне способны говорить, только ими никто не занимается всерьёз. Не правда ли?

Пауза.

РЕМЕЗОВ (Смеётся.) Я как-то не задумывался об этом.

Пауза.

АННА А вы видели их глаза?

РЕМЕЗОВ Видел.

АННА И что?

ОЛЬГА Присаживайтесь, Анатолий Павлович, только вот это кресло не занимайте, это папино кресло, он должен вот-вот проснуться и будем завтракать.

Ремезов садится на стул. Пауза.

ТЁМКИН (Поднимается.) У меня есть кофе, я принесу. Я здесь неподалеку живу. Сосед, так сказать.

РЕМЕЗОВ Да что вы, не беспокойтесь, я и чаю выпью.

Тёмкин возвращается в исходное положение. Анна Сергеевна наливает Ремезову чай.

РЕМЕЗОВ (Делает глоток.) Отменный чай. Прекрасно. (Пауза.) Давно не пил чаю. (Пауза.) А знаете, вы правы, здесь, на природе нужно пить именно чай. (Пауза.) Всё же китайцы – мудрый народ. Зря говорят, что они глуповаты. Это впечатление создается оттого, что они плохо знают наш язык. (Пауза.) Мне приходилось иметь дела с китайцами, и, доложу вам, они производят самое приятное впечатление.

ТЁМКИН Вы увлечены Китаем?

РЕМЕЗОВ Не то, чтобы увлечен.

ТЁМКИН А чем вы занимаетесь, если не секрет?

РЕМЕЗОВ Раньше – всем понемножку. Всякое дело не считал для себя зазорным. Занимался спортом. Потом учился. Много учился. Ходить, одеваться, говорить. (Смеётся.) Вот я вижу у вас в руках книгу, Ольга Сергеевна. Приходилось и мне много читать. (Пауза.) Однако столько книг как в вашем доме не встречал, честное слово. (Пауза.) Простите, отвлекся. Ну, так вот, со временем пришлось выбрать что-то одно. Сконцентрировался на игорном бизнесе.

ОЛЬГА Простите?

РЕМЕЗОВ Казино, игорные дома, бильярдные. Одним словом, слуга азарта. (Пауза.) Хотя сам не азартен. (Пауза.) А знаете, азартному человеку в игорном бизнесе долго не продержаться. Парадоксально, но факт. (Пауза.) В игорном бизнесе главное быть предельно внимательным и, разумеется, уметь считать. (Пауза.) Деньги. (Смеётся.) Вот, собственно, и вся наука. (Смеётся.) Спрашивается, зачем столько читал? Все равно ничего не отложилось. (Смеётся.) Шучу. (Пауза.) Я ведь прежде был биатлонистом.

Долгая пауза.

ОЛЬГА Вам, наверное, не очень комфортно здесь? Все так простенько.

РЕМЕЗОВ (Машет руками.) Что вы, я и сам простой человек, и люблю всё простое.

Пауза.

ОЛЬГА Биатлон – это?..

РЕМЕЗОВ Бег, стрельба по мишеням.

ОЛЬГА А по людям?

Пауза.

РЕМЕЗОВ Не понял, виноват.

ОЛЬГА По людям доводилось стрелять?

РЕМЕЗОВ Нет, что вы? Зачем?

АННА (Шепчет Юлии на ухо.) Очень добрый человек. Ни на минуту не отпускай!

ОЛЬГА Анна!

Долгая пауза.

РЕМЕЗОВ Что же это за чай такой?

АННА Мы не знаем. Нам Дмитрий Ильич привозит из деревни в кулёчках, а на кулёчках ничего не написано.

ТЁМКИН Самый обыкновенный грузинский.

РЕМЕЗОВ Как? У вас ещё продают грузинский чай?

ТЁМКИН Представьте себе. И даже «чатку». Помните «чатку»?

РЕМЕЗОВ Нет.

ТЁМКИН Был такой деликатес. Для всех. (Пауза.) В прошлом веке.

РЕМЕЗОВ Не сталкивался, к сожалению.

Долгая пауза.

РЕМЕЗОВ Насколько я смог рассмотреть, дом уже очень старый. Половицы рассохлись. Надо бы ремонт затеять.

ЮЛИЯ Анатолий, хочешь, пока папа не проснулся, я покажу тебе знаменитый томилинские яблони?

ОЛЬГА Юля, отец любит сам показывать свои яблони. (Пауза.) Извините, Анатолий Павлович. Он уже скоро проснётся, вы сможете осмотреть и сад. (Пауза.) Сад тоже в упадке, ухаживать особенно некому, но мы его любим таким, какой он есть.

РЕМЕЗОВ Да я, собственно...

ОЛЬГА Он вам и виноград покажет, и груши.

РЕМЕЗОВ Да, да, конечно.

Долгая пауза.

РЕМЕЗОВ Вы меня простите, Ольга Сергеевна, я, в виду расположения к вам хочу сказать одну вещь, без обид, это вам пригодится в будущем... Вы уж, Ольга Сергеевна, никогда не спрашивайте, приходилось ли тому или другому убивать. Правды вам никто не скажет, а насторожиться могут. (Пауза.) Только, умоляю, ко мне это не относится. (Пауза.) Это – на будущее. Мало ли с кем вам придётся иметь дело.

ОЛЬГА Благодарю вас, Анатолий Павлович, впредь буду осторожнее.

РЕМЕЗОВ Осторожность здесь как раз ни при чём...

ОЛЬГА Я усвоила.

Пауза.

РЕМЕЗОВ Еще раз простите меня.

ОЛЬГА Да не за что мне прощать вас.

Пауза.

ТЁМКИН (Ремезову.) Что, много теперь убивают?

РЕМЕЗОВ Да, к сожалению. (Пауза.) Прямо скажем, беспокойно. (Пауза.) Но знаете, былого напряжения, тревожного ожидания, паники уже нет. Человек ко всему привыкает. (Пауза.) Вот я обратил внимание, что на похоронах теперь меньше плачут. Памятники стали как будто менее приметными. (Пауза.) Всё встало на свои места: тело – это тело, душа – это душа. И не нужно путать одно с другим. (Пауза.) К телу стали относиться проще. Например, из тел делают скульптуры. Очень неплохие. Я был на такой выставке в Германии. Всё очень достойно. (Пауза.) Например, появились такие полуофициальные кафе, для избранных, где можно попробовать особым образом приготовленное человеческое мясо. (Пауза.) Например, через некоторое время, мы сможем тела своих близких не зарывать в землю, но забирать к себе домой. Согласитесь, тело много лучше, нежели горстка пепла или выцветшая фотография.

ТЁМКИН Кстати, история знает подобные случаи. В том же Китае двое уже пожилых людей оставили себе тело умершей своей матери. У покойницы была отдельная комната. Каждое утро перед завтраком, они выносили её в обеденную комнату, усаживали вместе с собой за стол, разговаривали с ней, отмечали семейные праздники и так дальше.

РЕМЕЗОВ Это очень гуманно и разумно.

ОЛЬГА Но, может быть, достаточно об этом?

РЕМЕЗОВ Ой, простите великодушно, я, кажется, увлёкся, совсем забыл, что нахожусь в женском обществе.

ОЛЬГА Да нет, ничего страшного. Мы все здесь, кто-то больше, кто-то меньше, имеем отношение к медицине. Просто тема, согласитесь, не к завтраку.

ЮЛИЯ Видишь ли, Оленька, это для Анатолия Павловича – наболевшее. Он безумно влюблен, думаю, что и по сей день, в свою супругу, и, после её смерти пытался проделать с ней этот фокус.

РЕМЕЗОВ Юлия, мне бы не хотелось...

ЮЛИЯ Да что уж, Анатолий, здесь все свои. Так вот. Ни моего, ни Алешиного совета, он разумеется не спросил...

РЕМЕЗОВ Неправда. Я говорил с сыном. Он был очень рад. Ты знаешь, как он был привязан к матери!

ЮЛИЯ Только он не учел, что не все мыслят так же прогрессивно. Слава Богу, ему даже за большие деньги не разрешили сделать этого.

ТЁМКИН И чем же, интересно, они аргументировали, Анатолий Павлович?

РЕМЕЗОВ Тем, что подобный проект существует, но пока находится в стадии разработки. А пока решение будет приниматься, покойницу следует захоронить. Хотя бы временно. Но, сами понимаете, пока вся эта волокита закончится, тело уже превратится в тлен.

Пауза.

ЮЛИЯ Он думает, что я не догадываюсь, зачем ему понадобилось тело.

РЕМЕЗОВ Юленька, опомнись!

ЮЛИЯ (Ремезову.) Я знаю о тебе много больше, чем ты думаешь!

РЕМЕЗОВ А вот этого ты мне не говорила, хорошо?

ОЛЬГА Ну, всё. Успокойтесь.

Пауза.

ЮЛИЯ (Ремезову.) Я, между прочим, в том числе, думаю и о покойной. Она была приличной женщиной. Я ни разу не услышала от неё упрека в свой адрес. Так что, нужно иметь хоть каплю уважения! Не думаю, что, зная о твоих планах, она позволила бы тебе сотворить с собой такое.

ОЛЬГА Успокойся!

Пауза.

РЕМЕЗОВ Ещё раз прошу великодушно простить меня.

ОЛЬГА Забудем об этом.

Долгая пауза.

АННА Какой вы интересный человек, Анатолий Павлович!

РЕМЕЗОВ (Улыбается.) Правда?

АННА Очень. Очень. (Пауза.) С вами должно быть, так хорошо мечтать. (Пауза.) Мне ведь здесь совсем не с кем мечтать. (Пауза.) Тёмкину до меня нет дела – он увлечен Ольгой. (Пауза.) Разве только с папочкой. Папочка понимает меня, но всё время спит. (Пауза.) Я бы вам доверилась, Анатолий Павлович.

РЕМЕЗОВ (Улыбается.) Спасибо.

Пауза.

АННА (Ремезову.) А хотите, я убью себя, и подарю вам своё тело? Здесь вам не запретят играть с ним. Это край света. Здесь никого не бывает.

РЕМЕЗОВ Не понял. Что вы такое говорите? (Пауза.) Что она такое говорит? (Пауза.) Вы шутите? (Пауза.) Пожалуйста, не нужно шутить такими вещами.

АННА (Ремезову.) Вы испугались, Ремезов? Можно я буду называть вас Ремезов? Я всегда называю по фамилии тех, кому доверяюсь. И в этом нет никакой пошлости. Скажите, вы испугались, Ремезов?

РЕМЕЗОВ Не то, чтобы испугался, но как-то...

АННА Вы привыкнете ко мне, и не станете пугаться.

РЕМЕЗОВ Да, но я, в известной степени...

АННА Я могу показаться вам немного странной, но, поверьте, я очень и очень хорошая.

РЕМЕЗОВ Безусловно, просто...

АННА В прежней жизни я была осой. Бессмысленным, но полным любви существом. Я это только сегодня поняла.

РЕМЕЗОВ Это любопытное наблюдение...

АННА Идёт мне Юлькин платок, как вы находите?

РЕМЕЗОВ Очень.

ОЛЬГА Анна, мне придётся выпороть тебя!

АННА Нет! За что?! Нет! (Пауза.) И что уж ты все время одёргиваешь меня? В кои веки встретила человека, которому можно довериться, и вновь ты одёргиваешь меня. (Глядя на Ольгу Ремезову шепотом.) Приезжайте чаще, Ремезов.

РЕМЕЗОВ Хорошо.

Пауза.

АННА Скажите, а вы не могли бы раздобыть ламу?

РЕМЕЗОВ Какую ламу?

АННА Настоящую южноамериканскую ламу.

РЕМЕЗОВ А на что вам лама?

АННА Разве вы не догадываетесь?

РЕМЕЗОВ Признаться, не догадываюсь.

АННА Только представьте, в нашем саду, среди тенистых яблонь путешествует настоящая лама. Представляете? (Пауза.) Представили?

РЕМЕЗОВ Откровенно говоря...

АННА Приезжайте, если даже не найдете ламы.

РЕМЕЗОВ (Улыбается.) Хорошо.

Пауза.

АННА Вы понравитесь папеньке.

РЕМЕЗОВ (Улыбается.) Очень рад.

Пауза.

АННА Вы мне очень понравились, а, значит, и папеньке понравитесь.

РЕМЕЗОВ (Улыбается.) Очень рад.

Пауза.

АННА Биатлонист. Вы настоящий биатлонист, Ремезов. Я представляла себе биатлонистов именно такими как вы.

РЕМЕЗОВ (Улыбается.) Спасибо.

ЮЛИЯ Нашли друг друга.

АННА (С вызовом.) Нашли.

Пауза.

РЕМЕЗОВ (Ольге.) Я надеялся познакомиться с вашим отцом ещё вчера...

ОЛЬГА Вы слишком поздно приехали, он в это время уже готовится ко сну. Но он знает, что вы здесь. (Анне.) Анюта, папа знает, что Юленька приехала не одна?

АННА Не беспокойтесь сестрица, он всё знает. (Пауза.) Только я, Анатолий Павлович, сказала, что вы пришли пешком.

РЕМЕЗОВ Пешком?

АННА Да.

Пауза.

РЕМЕЗОВ Но почему пешком?
АННА Он очень не любит машин.
РЕМЕЗОВ Вот как?
АННА Да.

Пауза.

РЕМЕЗОВ Странно...
ЮЛИЯ (Ремезову.) Я говорила тебе, что он боится машин. Ты просто забыл.
(Пауза.) Он всегда боялся машин. (Пауза.) Преимущественно из-за нас. (Пауза.) Боялся, что мы можем оказаться в катастрофе. И мы всегда ездили на трамвае. Или ходили пешком. (Пауза.) Хотя ему полагалась машина. Он был крупным учёным, и ему полагалась машина. (Пауза.) Действительно, лучше не говорить ему, что мы приехали на машине.

Пауза.

РЕМЕЗОВ Да, но пешком сюда дойти невозможно...
ЮЛИЯ Возможно, Анатолий Павлович, возможно. Если очень – очень захотеть, возможно.

Пауза.

РЕМЕЗОВ Да, но что он подумает обо мне?
ЮЛИЯ Хорошо подумает. Он очень любит простых людей. (Пауза.) Подумает, что мы следим за здоровьем, ведём активный образ жизни.
РЕМЕЗОВ Как будет угодно. Конечно.

Пауза.

ОЛЬГА И в игорном бизнесе папа тоже не очень разбирается. Боюсь, что в этом вопросе он не сможет стать вам достойным собеседником.

РЕМЕЗОВ А вот это вы зря. Знаете сколько у нас старичков в казино? Не поверите, они просто живут там.

ОЛЬГА Папа – другой.

РЕМЕЗОВ Да что же вы никогда не играете в карты? Вечером, на свежем воздухе – это такое удовольствие...

ОЛЬГА Мы – другие, Анатолий Павлович.

РЕМЕЗОВ Ну, что же. (Пауза.) И всё же странно...

ОЛЬГА Другие.

Пауза.

РЕМЕЗОВ Здесь можно курить?

ОЛЬГА Да, конечно.

Ремезов извлекает из нагрудного кармана сигару.

ОЛЬГА Ой, простите, ради всего святого, Анатолий Павлович, возьмите лучше папиросу?

РЕМЕЗОВ Папиросу?

ОЛЬГА Да. Вы же давно не курили папирос?

РЕМЕЗОВ Я никогда их не курил.

ОЛЬГА Правда? А вы попробуйте. Необычный вкус. И потом, очень-очень полезно.

РЕМЕЗОВ (Прячет сигару.) Нет, нет, благодарю. (Пауза.) Я это по инерции. Просто немного растерялся и забыл, что никогда не курю на природе. (Пауза.) Свежий воздух. Грешно. (Пауза.) Вообще я курю редко. Только когда волнуюсь.

ОЛЬГА А вы волнуетесь?

РЕМЕЗОВ Есть немного. Сам не знаю, почему.

Пауза.

АННА (Ремезову.) У нас только папочка курит сигары. Если он услышит, что кто-нибудь ещё курит сигары, очень расстроится. А мы не хотим, чтобы он расстраивался.

ОЛЬГА Анна, что ты придумываешь?

АННА Я не придумываю. (Ремезову.) У него огромная коробка с трофейными сигарами. Ему подарили после войны. (Смеется.) Он думает, что, коль скоро прошло так много времени, теперь он единственный обладатель сигар на всем белом свете.

ОЛЬГА Анна, балаболка!

АННА Я не балаболка – я Аннушка. (С высоко поднятой головой уходит в дом.)

РЕМЕЗОВ Она забавная.

ОЛЬГА Очень.

Долгая пауза.

РЕМЕЗОВ (Тёмкину.) Вы здесь круглый год живете?

ТЁМКИН Да. У нас здесь, знаете ли, что-то наподобие коммуны. В деревню – только по необходимости. В город – никогда. Чтобы не случилось. (Пауза.) Этаким, знаете ли, Иерихон.

Пауза.

РЕМЕЗОВ Не любите город?

ТЁМКИН Нет. И никогда не любил.

РЕМЕЗОВ А я вот был горожанином по призванию. Шум, суета – все это приятно будоражило, вдохновляло. (Пауза.) Так было до недавнего времени. (Пауза.) Да. (Пауза.) А теперь вот, кажется, завидую вам. Будь моя воля, я бы поселился здесь. Так тихо, покойно.

ТЁМКИН Оставайтесь.

РЕМЕЗОВ (Горько улыбается.) Да, когда такое было бы возможно.

ТЁМКИН Трудно сделать первый шаг. Мы неохотно расстаёмся со своими привычками, боимся рвать связи, которые нередко и не нужны нам уже давно, и в тягость. Но, зато, если уж выбор сделан, поверьте мне, наступают счастливые дни безмятежности.

РЕМЕЗОВ Нет, нет, мне нельзя вас слушать. Велик соблазн, знаете ли.

ТЁМКИН От нас, если уж объективно, мало что зависит. Как говорится мы – предполагаем...

РЕМЕЗОВ Полностью согласен с вами.

Пауза.

ТЁМКИН А вообще мечты исполняются, не обращали внимания?

РЕМЕЗОВ Да. Есть такое наблюдение.

Пауза.

ТЁМКИН Здесь такая тишина!

РЕМЕЗОВ Да.

Пауза.

ТЁМКИН Любите тишину?

РЕМЕЗОВ Очень.

ТЁМКИН Приезжайте к нам поздней осенью или зимой. Когда мы молчим.

РЕМЕЗОВ Как понять, молчим?

ТЁМКИН Очень просто. Иногда до пяти суток доходит, когда никто из здесь присутствующих, а равно и отсутствующих, но проживающих здесь не произносит ни единого слова.

РЕМЕЗОВ И у вас выходит?

ТЁМКИН А почему бы и нет? Мы так долго вместе, что научились слышать друг друга без слов. Вот выпадает снег, и мы умолкаем. Колоссальное удовольствие! В такие дни из тишины можно снежных баб лепить.

РЕМЕЗОВ Чудеса, да и только.

ТЁМКИН Уж чего-чего, а чудес у нас хватает.

Долгая пауза.

ТЁМКИН (Ремезову.) Я только вот чего не могу понять, зачем они все же с воробьями расправились? В этой истории всё не так просто и присутствует, на мой взгляд, нечто над нашим пониманием. Вам не кажется, Анатолий Павлович, что во всём этом кроется какой-то особенный, неведомый нам смысл?

РЕМЕЗОВ О чём вы, Дмитрий Ильич?

ТЁМКИН Да о китайцах же.

Пауза.

РЕМЕЗОВ О китайцах?

ТЁМКИН Ну да, вам же приходилось иметь с ними дело?

РЕМЕЗОВ Ах, вы о китайцах? Честное слово, не знаю. (Пауза.) Затрудняюсь ответить. (Пауза.) А что случилось с воробьями?

ТЁМКИН Китайцы истребили их. (Пауза.) Днём и ночью ходили с колотушками, не давая им присесть. Ну и, одним словом, воробьи погибли. Васе до одного. (Пауза.) Потом это обернулось трагедией для сельского хозяйства, но бедных птичек уже было не вернуть. (Пауза.) Такая, казалось бы, бессмысленная тварь, не стой той же осы, а вот видите, оказывается, приносила пользу.

Анна в новом платье, с прикрепленным к лифу ярким бумажным цветком в тон платку входит и принимается дефилировать по веранде, тщетно пытаясь привлечь внимание окружающих.

РЕМЕЗОВ Воробьёв действительно стало меньше. Я заметил.

ТЁМКИН Правда?

РЕМЕЗОВ Да, да. Я ещё удивился: что-то ни воробьёв, ни голубей не стало. Раньше шагу было не ступить, а теперь всё больше вороны.

ТЁМКИН Интересно. Почему так?

РЕМЕЗОВ Вороны разумнее.

ТЁМКИН Думаете, в этом причина?

РЕМЕЗОВ Конечно.

ТЁМКИН Скажите, а что вы думаете по поводу терракотовой армии?

РЕМЕЗОВ По какому поводу?

ТЁМКИНА Терракотовая армия, не может быть, чтобы вы ничего не слышали о ней.

Оса пытается атаковать Ремезова. Он неподвижен, некоторое время следит за ней взглядом, наконец, резким движением руки ловит её в кулак. Смеётся.

РЕМЕЗОВ У вас осы.

АННА Отпустите её! Немедленно отпустите её!

РЕМЕЗОВ Она может укусить.

АННА Почему вы так решили?

РЕМЕЗОВ Знаю.

Пауза.

АННА А вас когда-нибудь кусали?

РЕМЕЗОВ Они меня боятся.

АННА А меня любят. Немедленно отпустите осоньку!

РЕМЕЗОВ (Отпускает осу.) Пожалуйста.

АННА (Невидимой осе.) Лети ко мне, моя хорошая. (Пауза.) Не хочешь? Обиделась? (Пауза.) Ну вот, теперь она и на вас обиделась. (Пауза.) А на меня ещё давеча обиделась. (Пауза.) Не повезло ей с нами.

РЕМЕЗОВ Прилетит ещё.

Долгая пауза.

Точно гром тишину разрывают аккорды Первого концерта Чайковского.

АННА Папа проснулся! (Убегает.)

Пауза.

РЕМЕЗОВ (Ольге громко, стараясь перекрычать музыку.) Ваш отец любит музыку?

ОЛЬГА (Громко.) Очень! Он, когда просыпается, всегда включает Чайковского.
(Пауза.) Первый концерт. (Пауза.) Говорит, что это заряжает его на весь день.

РЕМЕЗОВ (Громко.) Ваша сестра больна?

ОЛЬГА (Громко.) Что?

РЕМЕЗОВ (Громко.) Что с вашей сестрой?

ОЛЬГА (Громко.) Она помогает отцу одеться.

Пауза.

РЕМИЗОВ (Громко.) Она больна?

ОЛЬГА (Громко.) Кто?

РЕМЕЗОВ (Громко.) Ваша сестра?

ОЛЬГА (Громко.) Юлия?

РЕМЕЗОВ (Громко.) Да не Юлия.

ОЛЬГА (Громко.) Что?

РЕМЕЗОВ (Громко.) Другая.

ОЛЬГА (Громко.) Я ничего не слышу.

Музыка резко обрывается.

РЕМЕЗОВ Что случилось?

ОЛЬГА По-видимому Анюта сообщила папе о вашем приезде.

Пауза.

РЕМЕЗОВ Но она сообщила ему об этом ещё вчера?

ОЛЬГА Вероятнее всего он заспал. (Пауза.) Вы должны понимать, он уже немолодой человек. Память уходит.

Пауза.

РЕМЕЗОВ А сколько лет вашему отцу?

ОЛЬГА Этого никто, кроме него самого не знает.

РЕМЕЗОВ Как такое может быть?

ОЛЬГА Он всегда хранил свой возраст в тайне.

Пауза.

РЕМЕЗОВ Простите, когда гремела музыка, я спросил вас что с вашей сестрой?

ОЛЬГА Вам лучше знать, вы как будто вместе живёте?

РЕМЕЗОВ Я имею в виду Анну.

ОЛЬГА А что именно вас интересует?

РЕМЕЗОВ Она больна?

Пауза.

ОЛЬГА А зачем вам это?

РЕМЕЗОВ Просто так спросил, без задней мысли. Полюбопытствовал, так сказать.
(Пауза.) Но если мой вопрос показался вам бестактным...

ОЛЬГА Показался.

Пауза.

РЕМЕЗОВ Простите.

ОЛЬГА Прощаю.

Долгая пауза.

ЮЛИЯ Вот что, Анатолий Павлович, нам, я думаю, лучше уехать. (Поднимается.)

РЕМЕЗОВ Почему? Что случилось?

ЮЛИЯ Ничего. Просто, мне кажется, так будет лучше для всех.

РЕМЕЗОВ Это из-за моего вопроса? Простите, я не хотел...

ЮЛИЯ Нет. Это не из-за твоего вопроса.

Пауза.

РЕМЕЗОВ Да, но как же?..

ЮЛИЯ Так нужно.

ОЛЬГА В чём дело, Юлия?

ЮЛИЯ Нам нужно домой! (Пауза.) Едем, Анатолий Павлович! Едем, едем! (Пауза.) Алёшка там один. Оставлять надолго его нельзя. (Поднимается.) Поедем, засветло будем дома.

РЕМЕЗОВ Он сказал, что сам приедет сюда. Теперь уж в пути, наверное.

ЮЛИЯ Встретим по дороге. Вставай, прошу тебя.

ОЛЬГА (Юлии.) Немедленно сядь и прекрати истерику! (Пауза.) Ты слышишь меня?! Немедленно сядь и прекрати истерику!

Пауза.

ЮЛИЯ (Ольге.) Дай папиросу.

Ольга протягивает папиросу Юлии. Та закуривает.

ОЛЬГА Это что ещё за новости? Ты задалась целью убить отца? (Пауза.) Хочешь уехать, так и не увидев его? (Пауза.) Спустия четырнадцать лет?

ЮЛИЯ Но я же вижу!..

ОЛЬГА Помолчи! Оставь свои глупости при себе. (Пауза.) Что ты видишь? Ты ещё ничего не видишь. Ты ещё не проснулась. (Пауза.) Пойди и переоденься, будь любезна. Сейчас спустится отец, а ты в ночнушке. (Пауза.) Здесь не бордель, Юлия Сергеевна, а приличный дом. (Пауза.) Шагом марш переодеваться!

Юлия поднимается, идёт в дом.

РЕМЕЗОВ Вот это – да!

ТЁМКИН Так то, брат.

Входит Анна. Без платка.

ОЛЬГА Что случилось?

АННА Папочка велел завтракать без него.

Пауза.

ОЛЬГА Что случилось?

АННА Он сказал, что теперь, коль скоро у нас дорогие гости, он будет бриться. И освободится не раньше, чем к ужину. (Пауза.) Что уж мне пойти разогреть пироги? Уж теперь все остыло.

ОЛЬГА Ну, что поделаешь? Ступай.

Оса жалит Ремезова. Анатолий Павлович вскрикивает и автоматически бьёт себя по щеке. Долгая пауза.

АННА Вы убили её?

ТЁМКИН (Рассматривает осу на ладони.) Не знаю. (Пауза.) Во всяком случае, она не шевелится. (Пауза.) Не знаю.

Анна опускается на пол. Так пытаясь ухватиться за воздух, с растерянной, виноватой улыбкой, обыкновенно садятся мимо стула вследствие гадкой шутки.

Действующие лица неподвижны. Мёртвая тишина.

ВЕЧЕР

Вечерет.

Тёмкин и Ремезов за накрытым столом. В ожидании отсутствующих к еде не прикасаются, пьют вино, наливая из большой чёрной бутылки.

ТЁМКИН Как говорится голенькими рождаемся и голенькими умираем. Вот когда, случается, видишь перед собой семь, девять таких голеньких в анатомическом театре, думаешь, до чего же мы все одинаковые.

РЕМЕЗОВ Нет, нет есть особенные, скверные люди. Они сразу бросаются в глаза. Хоть на улице, хоть в анатомическом театре.

ТЁМКИН Искривление пространства.

РЕМЕЗОВ Это нужно доказать.

ТЁМКИН Сам факт существования кривых зеркал, чем не доказательство?

РЕМЕЗОВ А вы не заметили, что комнат смеха не стало? Поезжайте в любой парк и убедитесь!

ТЁМКИН Вот послал Господь собеседника! Как же хорошо!

РЕМЕЗОВ Очень, очень скверные люди. Их много, их ни с кем не спутаешь, и какие бы не обольщались переменами к лучшему, они продолжают делать своё дело последовательно и методично.

ТЁМКИН И какое же, позвольте вас спросить, дело то?

РЕМЕЗОВ А это – как раз тайна за семью печатями. Мы сталкиваемся только с конечным результатом. А конечный результат настолько прост и очевиден, что и не требует дополнительных разъяснений. Несчастье. Достаточно одного этого слова.

ТЁМКИН Смею заметить, всё относительно. То, что является несчастьем для одного – представляется удачей и везением для другого. Разве не так? Включая абсолютные категории – смерть, например.

Пауза.

РЕМЕЗОВ Что-то от вина как будто голова тяжёлая. Вы – ничего?

ТЁМКИН Превосходно себя чувствую. Очень, очень хорошо.

Пауза.

РЕМЕЗОВ И вот, что характерно: этих выше мною упомянутых скверных людей, по моим наблюдениям, с каждым годом становится все больше и больше.

ТЁМКИН А я утверждаю – все относительно.

РЕМЕЗОВ Но предполагать, что это исключительно и непременно развращённые, избалованные нувориши – большая ошибка. Дескать, если человек богат, так он уже и разбойник и Нерон. А так теперь многие думают. Так удобно теперь думать.

ТЁМКИН Я так не думаю, и никогда не думал.

РЕМЕЗОВ Так выгодно теперь думать. И, пожалуй, модно.

ТЁМКИН Кому это может быть выгодно, кроме собственно негодяев?

РЕМЕЗОВ А вот это, доложу я вам, тупиковый вопрос.

ТЁМКИН Если следовать вашей логике, над скверными, точнее, за скверными людьми стоят ещё более скверные люди.

РЕМЕЗОВ Не исключено.

ТЁМКИН А за очень скверными людьми мы обнаруживаем ещё более скверных? И так до бесконечности?

РЕМЕЗОВ Хотя, если откровенно, доля истины в этих предположениях все же присутствует.

ТЁМКИН Говорят же – чем дальше в лес...

РЕМЕЗОВ Чем дальше...

ТЁМКИН Хорошо и так, но мне больше нравится первый вариант.

РЕМЕЗОВ Взять, к примеру, чем они кормят своих питомцев?

ТЁМКИН Кого вы подразумеваете под питомцами?

РЕМЕЗОВ Да вот хоть собак или свиней.

Пауза.

ТЁМКИН (Улыбается.) Не совсем удачный пример.

РЕМЕЗОВ Отчего же?

Пауза.

ТЁМКИН (Улыбается.) Не совсем удачный пример

РЕМЕЗОВ Да что такое?

ТЁМКИН Я, видите ли, совсем не богат, а, между тем, случается, что кормлю своих свиной виноградом.

РЕМЕЗОВ Вы держите свиной?

ТЁМКИН А как вы думаете, кем и где бы я теперь стал, когда бы не свиной?

РЕМЕЗОВ (Смеётся.) Да, действительно. Я совсем забыл – вы же врач. (Пауза.) Не отчаивайтесь, я, знаете ли, тоже иногда кормлю своего горгонеса безе.

ТЁМКИН Горгонес, горгонес, не припомню.

РЕМЕЗОВ Собака.

ТЁМКИН Имя?

РЕМЕЗОВ Порода.

ТЁМКИН Никогда не слыхал о такой породе, хотя сам собачник старинный.

РЕМЕЗОВ Новая порода. На сегодняшний день выведено только шесть штук. Внешне очень напоминают мастиффа, но имеется пара бивней.

ТЁМКИН Как у слона?

РЕМЕЗОВ (Смеётся.) Меньше, конечно. (Пауза.) Я сначала, конечно, стеснялся. Какой-то червячок точил меня, дескать, нехорошо это, ну, и дальше набор штампов – нищета, голодные дети, в такие минуты Африка непременно в голову лезет. А утешил себя одной чрезвычайно простой мыслью: да это же ребенок. Второй ребенок. А в каком-то смысле и первый. Я же его сизмальства нянчил, то же, что и Алёшку. В раннем возрасте, пока бивни не прорезались, он был абсолютно беспомощен, не хуже телёнка.

ТЁМКИН Превосходно вас понимаю. Для меня свиной – тоже как дети. Я, не поверите, когда кто-нибудь из них заболит, укладываю с собой в кровать. И в точности так же стесняюсь – то и дело посматриваю на дверь – не идёт ли кто? Злые языки могут и сожительство прилепить.

РЕМЕЗОВ Но Томилины, насколько я понимаю, никогда не покидают своего, как вы это называете, Иерихона, а больше здесь и нет никого?

ТЁМКИН Мало ли, заблудится кто? Нынче все перемещаются совершенно свободно. Путешественников стало пруд пруди. Кстати, вы не знаете, отчего это все кинулись путешествовать?

РЕМЕЗОВ Взвесь.

ТЁМКИН Как вы говорите?

РЕМЕЗОВ Взвесь взболтали. Когда ещё осадок выпадет?

ТЁМКИН Да.

Беседу нарушают раскаты концерта Чайковского.

Стремительно прорвавшая тишину музыка исчезает так же вдруг, как и появляется.

Пауза.

РЕМЕЗОВ А я ведь, ему ещё и колыбельные пел.

ТЁМКИН Кому?

РЕМЕЗОВ Горгонесу своему.

ТЁМКИН Отлично понимаю вас.

РЕМЕЗОВ Спасибо. Огромное вам спасибо. Не каждому дано проникнуться и принять.

ТЁМКИН Это покуда своё не заведется. Как только своё заведется – всё, представления меняются на сто восемьдесят градусов.

РЕМЕЗОВ Если не сказать на триста шестьдесят.

ТЁМКИН Триста шестьдесят – полный оборот.

РЕМЕЗОВ Да, но оборот то совершен. Покуда идёт вращение – весь мир как на ладони.

ТЁМКИН Образно.

РЕМЕЗОВ Находите?

ТЁМКИН Очень, очень образно.
РЕМЕЗОВ Благодарю.
ТЁМКИН Вам бы писать.
РЕМЕЗОВ Что?
ТЁМКИН Писать бы вам, писать.
РЕМЕЗОВ (Улыбается.) Да разве теперь читают? Только что для самого себя или вот

для вас.

ТЁМКИН А что, я бы с огромным интересом. А уж Ольга Сергеевна, известный книголюб, была бы в неопишемом восторге. Знаете, теперь таких женщин, как Ольга Сергеевна больше нет.

РЕМЕЗОВ Да их и прежде-то не было.
ТЁМКИН К сожалению, она совершенно отказалась от любви.
РЕМЕЗОВ Что вы говорите?
ТЁМКИН Напрочь.
РЕМЕЗОВ А знаете, я её готов понять.
ТЁМКИН Готовы понять?
РЕМЕЗОВ Готов. Любовь пробуждает в человеке беспомощность.
ТЁМКИН Не соглашусь.
РЕМЕЗОВ И зря. Беспомощность и тревогу.
ТЁМКИН Да нет, это вас крепко обидели.
РЕМЕЗОВ Беспомощность, тревогу и алкоголизм.
ТЁМКИН Неразделённая любовь.

Пауза.

РЕМЕЗОВ Беспомощность, тревогу, алкоголизм и суицид.
ТЁМКИН Неразделённая любовь.

Пауза.

РЕМЕЗОВ Беспомощность, тревогу, алкоголизм, суицид и инцест.
ТЁМКИН Неразделённая любовь.
РЕМЕЗОВ А любовь – это всегда игра в одни ворота.
ТЁМКИН Ну, что вы, я знал вполне благополучные пары.
РЕМЕЗОВ Вот именно, что знал.
ТЁМКИН Ну, это я оговорился. Это связано с тем, что я долгие годы живу здесь.
РЕМЕЗОВ Случайных оговорок не бывает. Ещё дедушка Фрейд настаивал на этом.
ТЁМКИН А вы и с Фрейдом знакомы?
РЕМЕЗОВ А куда же в наше время без Фрейда? Что мы теперь без Фрейда?
ТЁМКИН Сами загнали себя в угол.
РЕМЕЗОВ Загнали и замерли.
ТЁМКИН Точное примечание.
РЕМЕЗОВ Да?
ТЁМКИН Необыкновенно точное примечание. Именно, что загнали и замерли.

Пауза.

ТЁМКИН До чего же вы приятный собеседник, Анатолий Павлович! Очень, очень приятно.

РЕМЕЗОВ А уж мне как приятно?! Вам, наверное, кажется, что мне там, в городе, где сонм всевозможных охотников до разговора, часто встречаются настоящие собеседники?

ТЁМКИН Однако, не сомневаюсь, на разговор провоцируют многие.

РЕМЕЗОВ Именно, что, именно, что провоцируют. И именно, что многие. А собеседников-то нет.

Пауза.

ТЁМКИН До конца дней своих беседовал бы с вами, Анатолий Павлович.
РЕМЕЗОВ Взаимно.

Пауза.

ТЁМКИН Даже спать не отлучался бы.
РЕМЕЗОВ Взаимно.

Пауза.

ТЁМКИН (Разливает вино.) По капельке?
РЕМЕЗОВ Не откажусь.

Выпивают.

ТЁМКИН Так бы и говорил, и говорил, и говорил с вами.
РЕМЕЗОВ В точности так же, как и я: и говорил бы, и говорил бы, и говорил.
ТЁМКИН Да что же это? никак не можем наговориться!
РЕМЕЗОВ Никак, Дмитрий Ильич!
ТЁМКИН В кои веки Господь послал такого собеседника!
РЕМЕЗОВ Чудеса, да и только.

Пауза.

ТЁМКИН Вот, как раз одним из несчастий человечества является страсть к чудесам.
Не находите?

РЕМЕЗОВ Да уж, это вечное и неистребимое ожидание чудес.

ТЁМКИН Такое впечатление, что некоторые готовы всю жизнь простоять неподвижно с разинутым ртом в ожидании чуда.

РЕМЕЗОВ И стоят. (Пауза.) Не поверите, стоят. (Пауза.) Поезжайте теперь в город и, оставив на время дела, просто пройдитесь по городу. Не спеша, как какой-нибудь Дарвин или Левингстон. Уверяю вас, уже через полчаса вы насчитаете до десятка таких вот зевак. (Пауза.) Стоят, задрав голову к небу, и ждут манны небесной. Их я тоже смело отношу к скверным людям.

ТЁМКИН А, между тем, чудеса-то вот они, рядом.

В дверях возникает фигура Сергея Петровича Томилина. Он – бос, но в старой шинели, его щеки намылены, на шее вафельное полотенце. За беседой Ремезов и Тёмкин не замечают его.

РЕМЕЗОВ В том-то и дело, наклонись, да и подними.

ТЁМКИН Ан нет, чудо, в их представлении, должно выглядеть особенным, что-нибудь огромное, как тот слон, а лучше и вовсе бестелесное.

РЕМЕЗОВ Да, вот, кстати, горгонес – чем не чудо? Однако для его создания потребовались десятилетия упорного труда, а, следовательно, чудом, в их понимании, он уже быть не может.

ТЁМКИН А попробуйте-ка вырастить самую обыкновенную свинью? Нет, им подавай, чтобы она, как минимум говорила. И невдомёк, что она, между прочим, весьма говорлива. Кто же виноват, что мы не понимаем их язык?

РЕМЕЗОВ А никто. На каждом углу талдычат, что свинья и человек имеют между собой невысказанное сходство, а постичь, исследовать руки не доходят.

ТЁМКИН Свиньи же, в свою очередь, человеческий язык понимают. (Пауза.) Изумительные животные, и отличные, вопреки принятому убеждению, товарищи. (Пауза.) Не хотел говорить, но как не откроешься такому собеседнику. Я ведь, признаться, ещё ни одной свиньи не убил. (Пауза.) Вот выращиваю, а убивать не убиваю.

РЕМЕЗОВ А это напрасно.

ТЁМКИН Всё понимаю, но никак не могу настроиться.

РЕМЕЗОВ Важно сделать первый шаг.

ТЁМКИН Да как же его сделаешь, когда в глазах у них и мудрость и нежность и вопрос?

РЕМЕЗОВ А вы представьте себе, что перед вами один из скверных людей. Скверные люди, те, что поопытнее, тоже так, бывает, посмотрят, что, кажется, вот теперь же схватил бы его

и потащил к себе за стол. В то время, как правильным было бы немедленно достать револьвер и пристрелить подлеца.

ТЁМКИН Ну, что вы, я на это покуда не способен. Ведь к мысли о бесповоротной ничтожности этих людей надо ещё привыкнуть. Прочувствовать, как говорится. Для меня это – новое.

РЕМЕЗОВ А когда они придут и примутся насиловать вас, вы и тогда будете сомневаться?

ТЁМКИН Ну, это уж вы хватили.

РЕМЕЗОВ Нисколько. Представьте себе, нисколько. Поезжайте теперь в город и пройдите ночью под звездами, как какой-нибудь Галилей или Коперник, и я посмотрю, что они сделают с вами.

ТЁМКИН Неужели всё так далеко зашло?

РЕМЕЗОВ Я ещё добавлю. Теперь уже и днём надо ухо остро держать.

ТЁМКИН Что вы говорите?

РЕМЕЗОВ Да я сам насилую трижды на дню. Вот до чего дошло.

ТЁМКИН И вы, как будто спокойно говорите об этом.

РЕМЕЗОВ А что же мне кричать на всех углах? Те же скверные люди осмеют и заплюют. (Улыбается.) Что поделаешь, Дмитрий Ильич? Надо жить.

ТЁМКИН Да, непременно нужно жить.

РЕМЕЗОВ Во что бы то ни стало.

ТЁМКИН Через не могу. (Пауза.) Я, когда мысленно общаюсь с ними, у меня есть такая привычка, мысленно общаться с кем-нибудь, так вот, когда я мысленно разговариваю со всей этой нечистью, обыкновенно говорю им – Не дождетесь! (Пауза.) Не дождетесь!

ТЁМКИН (Смеётся.) Правильно.

РЕМЕЗОВ И на душе, как будто спокойнее делается.

ТЁМКИН Молодец.

РЕМЕЗОВ Как, знаете ли, в анекдоте, – Не дождетесь!

ТЁМКИН Умница.

Сергей Петрович уходит.

РЕМЕЗОВ Война. (Пауза.) Самая настоящая необъявленная война. (Пауза.) Вот вы спросите меня – где война? А я вам отвечу. Она уже в вашем доме. А вы и не заметили. Крепко спите, Дмитрий Ильич!

ТЁМКИН Немного тревожно, но очень и очень хорошо.

РЕМЕЗОВ Тревоги нынче хоть отбавляй. Всё ждем-с чего то. А чего ждём, и сами не знаем.

Пауза.

ТЁМКИН (Разливает вино.) По капельке?

РЕМЕЗОВ Не откажусь.

Выпивают.

РЕМЕЗОВ Они встречаются и на вокзалах, и в подвалах.

ТЁМКИН О! Вокзалы – это целый мир.

РЕМЕЗОВ В любых злых местах.

ТЁМКИН Шумный, пестрый мир.

РЕМЕЗОВ Прежде вы заметили бы: что же здесь особенного? А где же ещё водиться скверным людям, как не на вокзалах?

ТЁМКИН Именно так прежде и заявил бы.

РЕМЕЗОВ Но теперь другие времена.

ТЁМКИН Вот это вы верно сказали.

РЕМЕЗОВ Теперь уже трудно разобрать, где чёрное, где белое.
ТЁМКИН Но мы то уж с вами знаем.
РЕМЕЗОВ И то сомнения берут.
ТЁМКИН Что есть – то есть.
РЕМЕЗОВ И то, иногда задумаешься.
ТЁМКИН Да.

Пауза.

РЕМЕЗОВ Быть может, вы осудите меня за мои воззрения...
ТЁМКИН Отменное вино.
РЕМЕЗОВ Как пить дать, про себя вы осудите меня.
ТЁМКИН Зачем же судить? Я этого не люблю.
РЕМЕЗОВ Только мне скверных людей несколько не жаль.
ТЁМКИН А вот, что касается жалости – готов поспорить.
РЕМЕЗОВ Спор – это очень и очень полезно.
ТЁМКИН На самом деле жалость никого не унижает.
РЕМЕЗОВ Спор – это своего рода лекарство для совести.
ТЁМКИН Не знаю ни одного человека, который бы признался, что жалость каким-
нибудь способом унизила его.
РЕМЕЗОВ Между тем, скверного человека несколько не жаль.
ТЁМКИН Да на жалости всё, собственно, и держится.
РЕМЕЗОВ Скажу ещё более жестко: я ненавижу скверных людей.
ТЁМКИН Ваше право. Хотя ненависть – унижительное чувство.
РЕМЕЗОВ И, похоже, что не я один.
ТЁМКИН Я бы даже сказал так: ненависть – чувство, свойственное униженным.
РЕМЕЗОВ Раньше или позже расплата настигает их.
ТЁМКИН Лучше – холодность.
РЕМЕЗОВ И уж если суждено скверному человеку гореть в печи, так невелика разница,
здесь он сгорит или там (указывает на пол.) чуть позже.
ТЁМКИН В холодности нет ущербности, свойственной как раз ненависти.
РЕМЕЗОВ И уж если случается и на этом свете редкое мгновение торжества
справедливости – это подвигает и окрыляет.
ТЁМКИН Жалость – быть может, самое христианское из всех чувств.
РЕМЕЗОВ Единственное, что портит картину – оговорки.
ТЁМКИН Оговорки?
РЕМЕЗОВ Именно, что оговорки и подозрения.
ТЁМКИН Вы имеете в виду меня?
РЕМЕЗОВ Ни в коем случае.
ТЁМКИН Но я только что, недавно оговорился.
РЕМЕЗОВ Ни в коем случае.
ТЁМКИН Даже если вы намекали на меня, не могу не поддержать вас, оговорки и
подозрения мешают. Всегда мешали.
РЕМЕЗОВ Способны и отчаяние вызвать в отдельных случаях.
ТЁМКИН А до отчаяния допускать нельзя.
РЕМЕЗОВ Отчаяние – остановка и тупик.
ТЁМКИН Ни в коем случае нельзя допускать до отчаяния.
РЕМЕЗОВ Тупик и чувство безысходности.
ТЁМКИН Сначала отчаяния, а там, глядишь, и смерть.
РЕМЕЗОВ Покуда не возьмёшь себя в руки.
ТЁМКИН А это уже работа над собой.
РЕМЕЗОВ Главное не обозлиться окончательно.
ТЁМКИН Без работы над собой ничего не будет.
РЕМЕЗОВ Согласен, ничего не будет. Присовокуплю: и быть не может.

ТЁМКИН Совершенная правда.

Пауза.

РЕМЕЗОВ А пьяное вино-то.

ТЁМКИН Исключительное вино.

Пауза.

РЕМЕЗОВ Ну что же подделаешь, если человек, молодой человек, в зыбком ещё возрасте, любит чистоту? Разве это плохо, скажите на милость?

ТЁМКИН Хорошо, очень хорошо.

Пауза.

РЕМЕЗОВ Вы знаете, как теперь в городе пахнут подвалы?

ТЁМКИН Исключительное вино.

РЕМЕЗОВ Точно там держат пропавшую рыбу.

ТЁМКИН Странно, что у вас от него тяжелая голова.

Пауза.

РЕМЕЗОВ И так повсеместно. Такое ощущение, что город – большое животное. И это животное умирает.

ТЁМКИН Высокая влажность.

РЕМЕЗОВ Не мудрено, что Алёшке пришло это в голову.

ТЁМКИН Алёшке?

РЕМЕЗОВ Сынишке моему Алёшке. (Пауза.) Он скоро прибудет. (Пауза.) Я вас познакомлю. (Пауза.) Любопытный малый. Очень и очень любопытный, знаете ли, малый. (Пауза.) Первоначально он может не понравиться вам. Вызвать некоторое отторжение. (Пауза.) Но когда вы познакомитесь поближе, поймёте – всё не так плохо. И даже вовсе неплохо. (Пауза.) А если проявить некоторое терпение, и вывести его на разговор – даже интересно. (Пауза.) Он – это в известной степени я. Под другим несколько углом, с некоторой натяжкой, но, по сути, он – это ваш покорный слуга. (Пауза.) Такой вот Алёшка. Сынишка мой.

Пауза.

ТЁМКИН Нынче, знаете ли, напротив, дефицит жалости.

РЕМЕЗОВ Молодость, ум подвижен.

ТЁМКИН Я помню одну очень пожилую женщину, такую, знаете, из блокадниц. Божий одуванчик в берете.

РЕМЕЗОВ Плакал.

ТЁМКИН Такие на лавочках в скверах сидят.

РЕМЕЗОВ Плакал, понимаете?

ТЁМКИН Как правило в забытьё.

РЕМЕЗОВ Навзрыд.

ТЁМКИН Слезы, слёзы.

РЕМЕЗОВ Хотите верьте, хотите нет, проплакал всю ночь.

ТЁМКИН Душа – это такая загадка, такая загадка.

РЕМЕЗОВ Я ничего от него не мог добиться.

ТЁМКИН Послушайте, да мы же ничего о себе не знаем.

РЕМЕЗОВ Уже потом, много позже удалось выяснить.

ТЁМКИН Как марионетки, честное слово. Внешне – как марионетки.

РЕМЕЗОВ Он видел, как они горели.

ТЁМКИН Кто-то за ниточки дергает...

РЕМЕЗОВ Горели молча. Ни единого звука.

ТЁМКИН А мы строим предположения, кто именно.

РЕМЕЗОВ Это больше всего поразило его.

ТЁМКИН Кто-то в большей степени чувствителен, кто-то в меньшей.

РЕМЕЗОВ И что? Могу ли я назвать это шалостью?

ТЁМКИН Ни в коем случае.

РЕМЕЗОВ Могу ли назвать это баловством?

ТЁМКИН Ни в коем случае.
РЕМЕЗОВ С детских лет мать вдалбливала ему – чистота, чистота.
ТЁМКИН Строим предположения и, что интересно, не редко угадываем.
РЕМЕЗОВ Кружечки должны быть повернуты ручками в одну сторону.
ТЁМКИН Что же из этого следует? Выходит, что наши мысли действительно материальны?
РЕМЕЗОВ И как вам это нравится?
ТЁМКИН Или это всё попадания?
РЕМЕЗОВ Какие-то благовония в дом таскала.
ТЁМКИН Как в тире?
РЕМЕЗОВ Обожаю тир.
ТЁМКИН И можно ли обучиться такой меткости, образно выражаясь?

Входит Анна с мёртвой осой в руках. За беседой, Ремезов и Тёмкин не замечают её.

РЕМЕЗОВ Но мне бы, откровенно говоря, такой жест в голову не пришёл.
ТЁМКИН Существуют же какие-нибудь правила, закономерности?
РЕМЕЗОВ И не потому, что это – табу.
ТЁМКИН Быть может, они как раз и кроются в парадоксальных поступках?
РЕМЕЗОВ Понимаете, о чём я говорю?
ТЁМКИН Я все о той блокаднице, старушке. Вот, что характерно...
РЕМЕЗОВ Не потому, что мне представляется это невозможным.
ТЁМКИН Она всю свою пенсию тратила на пищу для пожарных.
РЕМЕЗОВ Откуда ему было знать, что там устроились эти отщепенцы?
ТЁМКИН Не на голубей или кошек, а на пожарных.
РЕМЕЗОВ Сволочи.
ТЁМКИН Всю пенсию, до копейки.
РЕМЕЗОВ Да такое и присниться-то не может.
ТЁМКИН Сама недоедала, а пожарных кормила.
РЕМЕЗОВ В страшном сне.
ТЁМКИН Покупала им хлеб, сыр, колбасу. Случалось и бутылочку возьмёт.
Представляете?
РЕМЕЗОВ Мы то с вами, наше поколение, не привыкли, что в подвалах кто-то живёт.
ТЁМКИН Вот это – жалость!
РЕМЕЗОВ А, следовательно, и предупредить, и заронить сомнения в отпрысков своих не могли.
ТЁМКИН Не знаю, способен ли кто-нибудь теперь на такое?
РЕМЕЗОВ Разве возможно всё предугадать?
ТЁМКИН Думаю, что нынче – никто.
РЕМЕЗОВ Знал бы, как говорится, где упасть...
ТЁМКИН Дефицит, одно слово.

Пауза.

РЕМЕЗОВ О чём вы?
ТЁМКИН О жалости.
РЕМЕЗОВ Чего-чего, а жалости-то как раз хватает.
ТЁМКИН Нет, не хватает.
РЕМЕЗОВ Хватает, с избытком.
ТЁМКИН Да где же вы такое видели?
РЕМЕЗОВ Повсюду. Повсеместно.
ТЁМКИН Расскажите.
РЕМЕЗОВ И расскажу.
ТЁМКИН Расскажите.

РЕМЕЗОВ И расскажу.
ТЁМКИН Да что же это? Никак не можем наговориться!
РЕМЕЗОВ Всегда хватало, и теперь ничего не изменилось. Вот только много ли от неё пользы?

ТЁМКИН На мой взгляд, категории пользы, выгоды вообще весьма сомнительны.

РЕМЕЗОВ А как же без выгоды?

ТЁМКИН А веление сердца?

РЕМЕЗОВ Веление сердца, веление сердца! Вот Алёшка устроил поджог по велению сердца. А там – люди. Не люди, конечно, бродяги, скверные люди. Но ему-то в силу возраста нет дела до деталей. Ему-то всё равно, скверный или нескверный человек. Он-то видит внешние признаки. Для него – две руки, две ноги, вот уже и человек. Какие там примечания и характеристики?! Беда и только. (Пауза.) Вы понимаете, о чём я толкую?

ТЁМКИН Вдохновение, если угодно?

РЕМЕЗОВ Я ведь безумно люблю его.

ТЁМКИН Этого, брат, не купишь.

РЕМЕЗОВ Только бы ему было покойно.

ТЁМКИН Есть, есть ещё вещи, что купить нельзя.

РЕМЕЗОВ На всё закрываю глаза.

ТЁМКИН Вещи, на которые и цены-то не придумано.

РЕМЕЗОВ Хотя, быть может, нет, наверняка не прав.

ТЁМКИН Что, безусловно, раздражает некоторых.

РЕМЕЗОВ Вот и эта связь.

ТЁМКИН Не просто раздражает – бесит.

РЕМЕЗОВ С Юлией.

ТЁМКИН И невдомек им, что ничего не поделаешь.

РЕМЕЗОВ У них связь. А я вынужден молчать.

ТЁМКИН Это в порядке вещей.

РЕМЕЗОВ Я же всё-всё о них знаю.

ТЁМКИН И это навсегда.

РЕМЕЗОВ Думаете, не разрывается моё сердце?

ТЁМКИН Ибо это высший порядок вещей.

РЕМЕЗОВ Только заклинаю, пусть это останется между нами.

Пауза.

ТЁМКИН Вот я пробовал настоящее французское вино – кислятина!

Пауза.

РЕМЕЗОВ Драма, Дмитрий Ильич, как есть – драма!

ТЁМКИН Прекрасное, преданное забвению слово.

РЕМЕЗОВ Патетика.

ТЁМКИН Обожаю патетику.

РЕМЕЗОВ Здесь в Липках, в тишине патетика ещё не потеряла своего аромата. Однако смею заметить, в большом мире...

ТЁМКИН Большом относительно чего? Хотелось бы точности в этом вопросе. Относительно Липок это – одно. Но что вы скажете о солнце?

Пауза.

РЕМЕЗОВ Здесь патетика приобретает совсем другое, как бы первоначальное, девственное звучание.

ТЁМКИН Скоро ваша голова пройдёт. Вот увидите.

Пауза.

РЕМЕЗОВ Совсем другой регистр.

Пауза.

ТЁМКИН Вы о чём?

РЕМЕЗОВ О патетике.

Пауза.

ТЁМКИН Если не возражаете, вернёмся к предмету разговора.
РЕМЕЗОВ Пространство здесь напоминает мне колодец.

Пауза.

ТЁМКИН Хотелся всё же подобраться к сущности.
РЕМЕЗОВ Когда бы его перевернули вверх дном.

Пауза.

ТЁМКИН Тема, доложу я вам интереснейшая.
РЕМЕЗОВ Любопытная тема, ничего не скажешь.
ТЁМКИН Я много размышлял обо всём этом.
РЕМЕЗОВ По этому поводу существует один восточный анекдот...
ТЁМКИН Благо времени у меня теперь предостаточно.
РЕМЕЗОВ Анекдот. Да. Анекдоты, анекдоты. Много смеёмся, не находите?
ТЁМКИН Вот и размышляю, философствую, так сказать.
РЕМЕЗОВ Я тоже, хотя и занят весьма, нет-нет, да и возвращаюсь к этой теме.
ТЁМКИН Хотя философии, если откровенно, терпеть не могу.
РЕМЕЗОВ Солидарен с вами.
ТЁМКИН А вот Ольга Сергеевна сейчас непременно вернула бы что-нибудь из

Эразма.

РЕМЕЗОВ Из какого Эразма?
ТЁМКИН Роттердамского.
РЕМЕЗОВ Роттердамского?
ТЁМКИН Роттердамского, да. Читали?
РЕМЕЗОВ Имел несчастье. Роттердамского, дамского, дамского...
ТЁМКИН Дамского, да.
РЕМЕЗОВ Роттердамского, дамского...
ТЁМКИН Именно, что дамского. И никак нам не наговориться!

Смеются.

РЕМЕЗОВ Люди у вас редко бывают, вот что.
ТЁМКИН Совсем не бывают.
РЕМЕЗОВ А, может быть, оно и к лучшему?
ТЁМКИН Вы знаете, и мне это не раз приходило в голову.

Смеются.

ТЁМКИН И всё же мне хочется спросить вас, а ну, как ошибка?

Пауза.

РЕМЕЗОВ Голова, как будто проходит.
ТЁМКИН Я же говорил вам!
РЕМЕЗОВ Головная боль в нашем возрасте, согласитесь, очень неприятно.
ТЁМКИН Да! Не дай Боже!
РЕМЕЗОВ Надо же? Как рукой сняло.
ТЁМКИН А если подогреть и добавить немного корицы – это нечто!

Пауза.

РЕМЕЗОВ Цирк.
ТЁМКИН Цирк, да и только.

Пауза.

РЕМЕЗОВ Цирк зажигает огни.
ТЁМКИН Цирк сбежал, а клоуны остались.

Смеются.

ТЁМКИН Кто бы что не говорил, вино выше всяких похвал.
РЕМЕЗОВ Послевкусье.

ТЁМКИН А?!

РЕМЕЗОВ Послевкусье.

ТЁМКИН Вещь!

РЕМЕЗОВ И пьётся так легко.

ТЁМКИН Как вы понимаете, ни капли дрожжей.

Пауза.

РЕМЕЗОВ (Ощупывает голову руками.) Не болит.

Пауза.

ТЁМКИН Как же с моим вопросом?

РЕМЕЗОВ Простите, вопрос-то я, кажется, позабыл.

ТЁМКИН Охотно напомню. Вопрос звучит так: а что, если ошибка?

Пауза.

РЕМЕЗОВ С вашего позволения ещё разик отвлекусь. В свете вышеизложенного я бы сформулировал свою мысль следующим образом: по мне, так мало ещё жгут.

ТЁМКИН Мало?

РЕМЕЗОВ Мало. Мало. Надо бы как во времена инквизиции.

ТЁМКИН Эх, куда хватили!

РЕМЕЗОВ Ничего подобного. Что же, по-вашему, во времена инквизиции одни звери жили?

ТЁМКИН Звери – не звери, но согласитесь...

РЕМЕЗОВ Просвещённые, не меньше нашего люди.

ТЁМКИН Однако...

РЕМЕЗОВ И целомудрия было побольше, нежели теперь.

ТЁМКИН При чём же здесь целомудрие?

РЕМЕЗОВ И цирка поменьше.

ТЁМКИН Не готов согласиться.

РЕМЕЗОВ Меньше, меньше.

ТЁМКИН Пока не готов.

РЕМЕЗОВ Вот именно в те времена душа, как раз, трудилась. Вспоминаете поэта? Вспоминаете?

ТЁМКИН А ну, как ошибка?

РЕМЕЗОВ Ошибка?! Исключено.

ТЁМКИН Не очевидно.

РЕМЕЗОВ Что?

ТЁМКИН Совсем не очевидно.

РЕМЕЗОВ О чём вы? Судьба ведёт нас изумительно легко и ловко.

ТЁМКИН Вот то, что ловко – согласен. В этом пункте или, что у нас теперь, подпункте? Совершенно согласен с вами.

РЕМЕЗОВ Ведь как мы рассуждаем?

ТЁМКИН Послал же Господь собеседника!

РЕМЕЗОВ Мы рассуждаем следующим образом.

ТЁМКИН Спор явно приобретает научный характер.

РЕМЕЗОВ Если мы делаем то-то и то-то, вследствие чего находим спасение и утешение, так это мы сами так решили и мы же сами того достигли.

ТЁМКИН Это – издержки воспитания. Это – воспитание. Однозначно.

АННА (Ремезову.) Ваш мальчик приедет?

Анна говорит очень тихо, и собеседники не слышат её.

РЕМЕЗОВ Да, но всех воспитывали приблизительно одинаково.

ТЁМКИН Не стану спорить.

РЕМЕЗОВ Во всяком случае, ориентиры были едиными.

ТЁМКИН Не спорю. Некое равенство присутствовало.
РЕМЕЗОВ А на поверку вышло: всё – я?! (Пауза.) Я сам? (Пауза.) Дудки. Иллюзия.
(Пауза.) Обман зрения.
ТЁМКИН Что-то видеть стал последнее время неважно. У вас как со зрением?
РЕМЕЗОВ На самом деле невидимая рука хватается нас за шкурку и волочит. Только успевай ногами перебирать, когда ноги целы. А нет ног – и без ног тащит.
ТЁМКИН (Смеётся.) Точно.
РЕМЕЗОВ А куда тащит, в печку или на солнышко – это уж как заслужил.
ТЁМКИН Это так. Надо же? Никак не можем наговориться.
РЕМЕЗОВ Потому судьбу, как карты и любят и ненавидят одновременно. Те, что умеют получить удовольствие в любых обстоятельствах – любят. Те, что бояться – ненавидят.
АННА (Ремезову.) Ваш мальчик приедет?

Анна говорит очень тихо, и собеседники не слышат её.

ТЁМКИН Справедливо. Но, согласитесь, многое зависит ещё и от взгляда на предмет.
РЕМЕЗОВ От взгляда на предмет – да, но и к получению удовольствий надобно призвание иметь.
ТЁМКИН Тю-тю-тю. Смотря что считать удовольствием.
РЕМЕЗОВ Самые простые вещи.
ТЁМКИН Ольга беломор курит. Есть в этом что-то от прежней, той ещё жизни.
РЕМЕЗОВ Самые, что ни на есть простые вещи.
ТЁМКИН Для иного удовольствие – сложная система знаков и условностей.
РЕМЕЗОВ Да какие уж там знаки? Посреди зимы, на морозе закрыть глаза и во всём объёме представить себе голую бабу. Красивую голую бабу. Так представить себе, что и запах её почувствовать, и паром от неё согреться. Вот вам все условности и все знаки!
ТЁМКИН Минуточку. (Пауза.) А это, Анатолий Павлович, уже воображение.
РЕМЕЗОВ Удовольствия должны быть здоровыми, сочными. Должны пульсировать.
ТЁМКИН Минуточку. (Пауза.) Приведённый вами пример относится к воображению, и не спорьте.
РЕМЕЗОВ Да, воображение. И что с того? Пусть воображение. А куда мы без воображения?
АННА (Громко.) Она прожила ещё три минуты сорок семь секунд. (Пауза.) Ровно. (Пауза.) Тёмкин, как вы думаете, она очень страдала? (Пауза.) Она прожила ещё три минуты сорок семь секунд. (Пауза.) Ровно. (Пауза.) Тёмкин, как вы думаете, она очень страдала? (Пауза.) Она прожила ещё три минуты сорок семь секунд. (Пауза.) Ровно. (Пауза.) Тёмкин, как вы думаете, она очень страдала?

Долгая пауза.

ТЁМКИН Нет, Аннушка. Она была без сознания.

Пауза.

АННА Вы наверняка знаете это?

ТЁМКИН Ответственно заявляю, как врач.

Входят Юлия и Ольга. Возвращаются с прогулки. У Юлии в руках плоская бутылочка с коньяком. Время от времени она прикладывает к ней.

ЮЛИЯ Ах, как здесь хорошо! Воздух сахарный! (Пауза.) А я помню, Оленька, как мы с тётёй Лизой на речку ходили. Это было... послушай, а когда же это было?
ОЛЬГА Тебе тогда исполнилось одиннадцать.
ЮЛИЯ Верно. Мы тогда ещё отмечали мой день рождения. (Пауза.) И тётя Лиза ещё была жива. Я это отчетливо помню. (Пауза.) А что с ней случилось, Оленька?
ОЛЬГА Умерла.

ЮЛИЯ Да, да, конечно. (Пауза.) Прости. (Пауза.) Вы ведь, кажется, очень дружили?
(Пауза.) А когда это случилось?
ОЛЬГА Не знаю. (Пауза.) А тебе важно это знать?
ЮЛИЯ А как же? Она и мне не чужой человек.
ОЛЬГА В таком случае, спроси у отца.
ЮЛИЯ (Осматривается.) А что, отца все ещё нет?
ОЛЬГА Как видишь.
ЮЛИЯ Но, в таком случае, я не могу у него спросить.
ОЛЬГА Потому-то я и предложила. Ему сейчас совсем ни к чему беседы о мёртвых.
(Усаживается в кресло.)

Пауза.

ЮЛИЯ (Тёмкину.) Какая же змея старшая моя сестра. Аннушка! Вы знаете, Дмитрий Ильич, она хотела меня утопить.
ОЛЬГА Юлия!
ЮЛИЯ Только что. Привела к обрыву, за шиповником.
ОЛЬГА Юлия!
ЮЛИЯ Знаете обрыв за шиповником? Привела и дышала мне в затылок.
ОЛЬГА Юлия!
ЮЛИЯ У меня и теперь мурашки по коже.
ОЛЬГА Юлия!

Пауза.

АННА Вы даже не пытались спасти её, Тёмкин.
ТЁМКИН Я, к сожалению, не имею представления, как помогать осам.
АННА Проще всего сказать, – я не имею представления, как помогать осам.
ОЛЬГА Анна, оставь Дмитрия Ильича в покое!

Пауза.

АННА Да уж я не лучше. Можно, можно было успеть предупредить. Топнуть ногой, крикнуть.
ЮЛИЯ Что же вы молчите, Дмитрий Ильич? Знаете вы тот шиповник или нет?
АННА Нет, Тёмкин, для нас с вами оправдания.

Пауза.

РЕМЕЗОВ Анна Сергеевна, умоляю, простите. Это я во всем виноват.
ЮЛИЯ (Тёмкину.) И не бойтесь вы, Дмитрий Ильич жить с ней по соседству?
ОЛЬГА Юлия, честное слово, ты мало, чем отличаешься от своей младшей сестры.
ЮЛИЯ Естественно. Родная кровь. (Усаживается в кресло.)

Пауза.

АННА (Ремезову.) Я знаю, Ремезов, вы сделали это не намеренно. (Пауза.) Что уж, такова судьба многих влюбленных. (Пауза.) Вы читали «Ромео и Джульетту»?
РЕМЕЗОВ Да. (Пауза.) Отдельные фрагменты могу цитировать. (Пауза.) Хотите, прочитаю?

ЮЛИЯ (Ремезову.) Ой, не смей меня!

Пауза.

АННА Если бы вы, Ремезов, хоть капельку напоминали Ромео, было бы в точности как у Шекспира, не правда ли?
РЕМЕЗОВ Полностью с вами согласен.

Пауза.

ЮЛИЯ Где же отец?

Пауза.

АННА И теперь вы бы уже не вино с Тёмкиным пили, а обдумывали, как лучше расстаться с жизнью.

РЕМЕЗОВ Да, повесть довольно печальная.

Пауза.

ЮЛИЯ Оленька, где отец? Тебя не настораживает, что его так долго нет?
ОЛЬГА Бреется.
ЮЛИЯ Сколько же можно бриться?

Пауза.

АННА Шекспир знал толк в любви.

РЕМЕЗОВ Несомненно.

ЮЛИЯ (Ремезову.) Послушай, Ромео, уже темнеет, Алексея все нет. (Пауза.) Ты не волнуешься? (Пауза.) Почему я волнуюсь, а ты не волнуешься? Почему я волнуюсь, а родному отцу и дела нет? Почему? Почему?

РЕМЕЗОВ Сказать?!

Пауза.

АННА Но вы, Ремезов, больше похожи на Гамлета.

РЕМЕЗОВ Ну, что вы?

АННА Думаю, потому все так и обернулось.

РЕМЕЗОВ Не исключено.

ЮЛИЯ Душегуб твой Ремезов. Равно, как и Гамлет. (Ремезову.) И скажи! Мне нечего стыдиться! И стесняться здесь некого! Это, видишь ли – моя семья! (Плачет.) И нечего меня пугать! Меня всю жизнь пугают, только я имела вас всех в виду! Говори! Что хочешь, говори! (Пауза.) Да кто тебе здесь поверит?! Кто?! Кто?!

Пауза.

РЕМЕЗОВ (Спокойно.) Можно было не напиваться?

ЮЛИЯ Мой ответ – нет!

Пауза.

АННА Про себя я называю Гамлета Смерть несущим.

РЕМЕЗОВ Ужас, ужас!

ЮЛИЯ А что мне остаётся?

ОЛЬГА (Юлии.) Анатолий Павлович совершенно прав.

ЮЛИЯ У вас своя компания – у меня своя компания.

АННА (Ремезову.) Укус болит?

ЮЛИЯ Моя компания – это я сама.

РЕМЕЗОВ (Анне.) Да, можете взглянуть. Огромный волдырь.

Анна подходит к Ремезову, исследует его шею.

АННА Очень больно?

РЕМЕЗОВ Очень.

Пауза.

ЮЛИЯ (Ольге.) Одиночество. Ты знаешь, что такое одиночество?

ТЁМКИН В медицинской терминологии такого понятия как одиночество не существует.

АННА Спасибо, Ремезов.

ЮЛИЯ (Ольге.) Впрочем, откуда тебе знать? Ты – явление общественное.

АННА (Рассматривает осу.) Теперь она будет всегда со мной.

ЮЛИЯ (Ольге.) У тебя и ангелы на том свете маршировать будут.

АННА (Осе.) Я не расстанусь с тобой никогда.

РЕМЕЗОВ Это очень правильно.

ЮЛИЯ (С наигранным весельем.) За стол, за стол, коньяк кончается, пришло время пить вино.

АННА (Торжественно.) Теперь я умолкаю, хотя до зимы ещё далеко.

ЮЛИЯ Гуляй, провинция!

АННА (Торжественно.) Прошу меня извинить, некоторое время вы не услышите от меня ни единого звука.

РЕМЕЗОВ Нет, нет, зачем? прошу вас, Анна Сергеевна...

Анна уходит.

ОЛЬГА (Вслед.) Анюта, что там отец? (Пауза.) Скоро его ждать?

РЕМЕЗОВ Она отказалась от слов, Ольга Сергеевна.

Долгая пауза.

ОЛЬГА Чёрт меня дернул сочинить этот бред про любовь! (Пауза.) Дмитрий Ильич, прошу вас, Анатолий Павлович, много не пейте. Вы уже как будто не в себе.

ТЁМКИН А мы, Ольга Сергеевна, беседую пьяны. (Ремезову.) Анатолий Павлович – замечательный спорщик. (Пауза.) Мне его Господь послал. В подарок за долгие годы молчания. (Пауза.) О таком собеседнике, Ольга, можно только мечтать. (Пауза.) Вот у меня уже и слезы на глазах. (Пауза.) Делаюсь глупым и сентиментальным. (Пауза.) Вы оказались правы, как всегда правы. Пожалуй, я возьмусь изучать вашего Эразма, Ольга Сергеевна. (Пауза.) А знаете, Анатолий Павлович знаком с ним. Ах, какой собеседник!

Ольга Сергеевна открывает книгу и углубляется в чтение.

Юлия Сергеевна закуривает и закрывает глаза, откинувшись на кресле.

РЕМЕЗОВ (Смеётся.) Как будто, утомонились. (Пауза.) Послушайте, Дмитрий Ильич, какая тишина.

Пауза.

ТЁМКИН Да. (Вытирает слезы.)

Пауза.

РЕМЕЗОВ Вот при такой тишине хорошо играть в карты. (Переходит на шёпот.) А говорить только шёпотом.

Пауза.

ТЁМКИН Да. (Пауза.) Так на чём мы остановились?

Пауза.

РЕМЕЗОВ Промочить горло, что ли? (Пауза.) Как бы не спиться. (Пауза.) Эх, наливай, брат!

ТЁМКИН Молодец, умница! Позвольте мне предварительно поцеловать вас, Анатолий Павлович?

Не дожидаясь ответа, Тёмкин заключает Ремезова в объятия и троекратно целует, после чего наполняет стаканы.

ТЁМКИН Дорогой Анатолий Павлович. Позвольте от всей души приветствовать вас в нашем Иерихоне, месте тщательно сокрытом от холодных ветров цивилизации, но месте не гибельном, ибо сердца, наши сердца... чёрт, сбился.

РЕМЕЗОВ Выпьем, да и всё.

ТЁМКИН Ай, умница!

Выпивают.

ТЁМКИН Вы не знаете грузинских песен?

РЕМЕЗОВ Нет, к сожалению.

ТЁМКИН Но любите их?

РЕМЕЗОВ Безусловно.

ТЁМКИН Обожаю вас, дорогой мой собеседник.

РЕМЕЗОВ А я – вас, Дмитрий Ильич.

ТЁМКИН Вот, опять слеза накатила. Да что же это, в самом деле? (Вытирает слезы.)
Так на чём мы, собственно, остановились?

РЕМЕЗОВ Не помню, честное слово.

ТЁМКИН Да плюньте вы на всё. Такой вечер!

РЕМЕЗОВ Как будто...

ТЁМКИН Ну же, ну?...

РЕМЕЗОВ Ах, да вот это, мы говорили о том, что всем движет страх.

Пауза.

ТЁМКИН Разве мы говорили об этом?

РЕМЕЗОВ Только об этом и говорили.

Пауза.

ТЁМКИН Неожиданный поворот.

РЕМЕЗОВ Всем движет страх. Страх и только страх.

ТЁМКИН Спорно.

Пауза.

РЕМЕЗОВ И вами, и мной. Всеми, без исключения, дорогой Дмитрий Ильич.

ТЁМКИН Спорно.

РЕМЕЗОВ Спроси я вас сию минуту, боитесь вы чего-нибудь? Если вы честный человек, непременно скажете – очень, очень боюсь. Другое дело – можно не подавать виду.

ТЁМКИН Спорно.

РЕМЕЗОВ Так было и будет всегда.

ТЁМКИН Не уверен.

РЕМЕЗОВ Если не согласны – приведите пример, когда было бы иначе, и я тотчас докажу вам обратное.

ТЁМКИН Оставим это.

РЕМЕЗОВ Отчего же оставим?

Входит Анна.

ТЁМКИН На время оставим. Вы лучше скажите, как же распознать, скверный человек или нет?

РЕМЕЗОВ А вот если уже горит – можно не сомневаться. (Смеется.) Это мы себе выдумываем оправдания, уловки, а там, (указывает на пол.) всё точно и предельно ясно.

ТЁМКИН А анализ? Как же анализ?

АННА (Ремезову.) Ваш мальчик приедет?

Собеседники не слышат ее.

ТЁМКИН Должно остаться место анализу?

РЕМЕЗОВ К чёрту! Видимость одна. Все предрешено и припечатано, – этот герой, а этот – свинья. И как ни крутись, как не лезь из кожи вон, соловью – заливаться, а свинье свиньёй оставаться и хрюкать надлежит.

ТЁМКИН Что касается свиней...

РЕМЕЗОВ Я ваших не имел в виду.

ТЁМКИН А, тогда – другое дело.

РЕМЕЗОВ Свиньи, знаете ли, тоже разными бывают.

ТЁМКИН Совсем другое дело.

РЕМЕЗОВ Есть, доложу я вам, такие скверные свиньи, ещё хуже скверных людей!

ТЁМКИН Ольга, Юлия Сергеевна, угощайтесь вином. Исключительное вино.

РЕМЕЗОВ Разумеется, я имею в виду зрелых людей, таких, как мы с вами.

ТЁМКИН (Ольге.) Анатолий Павлович первоначально испытал небольшую тяжесть в голове. Но теперь всё прошло.

РЕМЕЗОВ Конечно, к молодым людям, в зыбком, как говорится, возрасте в полной мере отнести это нельзя.

ТЁМКИН (Ольге.) Теперь всё прошло, и он даже похвалил меня.

РЕМЕЗОВ Скверным человеком юношу, согласитесь, не назовёшь.

ТЁМКИН (Ольге.) Анатолий Павлович так удивился, что вы курите беломор, Ольга Сергеевна.

РЕМЕЗОВ Я понимаю, что их опыты, назовём это опытами, не всегда укладываются в рамки так называемых, я подчеркиваю, так называемых норм.

ТЁМКИН (Ольге.) В точности как в прежние времена. Революция, модерн, что-то в этом духе. А у вас, как будто, была кожаная куртка, Ольга Сергеевна?

РЕМЕЗОВ Но, ответьте мне на следующий вопрос, дорогой Дмитрий Ильич.

ТЁМКИН (Переключается на Ремезова.) Да?

РЕМЕЗОВ Когда бы всё существовало в рамках, совершалось ли бы когда-либо в России то, что славно совершается и достигалось бы то, что достигалось во все времена, вопреки и на зависть всем? (Пауза.) Не смотря ни на что!

ТЁМКИН Да, но, согласитесь, душевного тепла терять нельзя. Ни при каких обстоятельствах.

РЕМЕЗОВ А страх? А что, собственно, страх? Страх только сил и прыти придаёт.

ТЁМКИН Ни при каких обстоятельствах.

РЕМЕЗОВ Страху не надобно сопротивляться. Его любить в себе нужно. Как талант.

ТЁМКИН Хорошо. Если принять за основу вашу теорию, как, в таком случае, распорядимся мы с историей?

РЕМЕЗОВ А что, история?

ТЁМКИН Придётся всё переписывать начисто.

РЕМЕЗОВ Почему же это?

ТЁМКИН Взять хотя бы татар. Татаро-монгольское нашествие. Ведь сумели таки после трехсотлетнего страха скинуть с себя это ярмо? Как с этим быть? Здесь противоречие.

РЕМЕЗОВ Никакого противоречия. А за ваш пример обожаю вас ещё больше.

ОЛЬГА (Откладывает книгу.) Сколько любви разом обрушилось на Липки! Прямо как у Чехова. Быть беде.

АННА Уже.

Юлия Сергеевна открывает глаза.

ОЛЬГА Что?

АННА Беда уже случилась.

ОЛЬГА Аннушка, давай закругляться с этой историей, детка. Что там отец?

АННА Бреется.

РЕМЕЗОВ (Тёмкину.) А разве я употребил расхожее заблуждение, дескать «страх парализует»?

ЮЛИЯ Сколько же он может бриться?

АННА До этого он спал.

РЕМЕЗОВ Нет. Я сказал страх – движитель. (Пауза.) Как раз парадоксально, что триста лет не отмечалось никакого движения.

ЮЛИЯ Прелюбопытное зрелище наблюдать мужчин за вином. Они прямо на глазах превращаются в геев.

ОЛЬГА Юлия, я тебя очень прошу. Скоро спустится отец...

ЮЛИЯ Ты думаешь, он не знает кто такие геи?

РЕМЕЗОВ А я на стороне геев. Всячески приветствую и поддерживаю их. У меня в казино...

ОЛЬГА Отец не любит этого.

РЕМЕЗОВ Но мы не имеем право пренебрегать ими!

ТЁМКИН Хорошо, пусть так. Наверное, с некоторыми оговорками, в чём-то с вами можно согласиться.

РЕМЕЗОВ Требую безоговорочного согласия!

ОЛЬГА Анатолий Павлович, видите ли, отец – человек старой формации.

ТЁМКИН (Ремезову.) Позвольте, но молодёжь то? Или горячо любимая вами молодёжь и здесь не в счёт?

ЮЛИЯ Какую именно формацию, Оленька, ты имеешь в виду? Мы же не знаем, сколько ему лет? Если предположить, что он жил во времена Рима...

АННА Жил. Я знаю это наверняка. И имею доказательства.

ОЛЬГА Анюта, ты же объявила, что будешь молчать.

АННА А я и молчу.

ТЁМКИН (Ремезову.) А знаете, кому вы присягаете на верность своей позицией?

РЕМЕЗОВ Всё равно. Всё равно кому. Те, что сверху клюют нас по головам – близнецы братья. Разница во внешности – не в счёт. Вот, как раз, в качестве примера удачно подходит ваша терракотовая армия. В качестве метафоры, так сказать.

Анна садится за стол.

АННА Налейте и мне вина.

ОЛЬГА Это ещё что такое, Анна?

Пауза.

АННА Налейте мне вина.

Пауза.

ОЛЬГА Дмитрий Ильич, вы слышите?

ТЁМКИН Ольга Сергеевна, уверяю вас, это очень и очень хорошее вино. Моя гордость. Аннушка, детка, подставляй стакан. (Наливает Анне вино.)

Анна залпом выпивает полный стакан.

ОЛЬГА Не ожидала от вас, Дмитрий Ильич.

ТЁМКИН У Анюты горе. Нужно понимать. (Ремезову.) Итак. Анатолий Павлович, с тем, чтобы разобраться во всём этом...

АННА (Протягивает стакан.) Ещё вина.

Пауза.

ТЁМКИН Аннушка, девочка, может быть достаточно?

АННА Ещё вина.

Тёмкин наливает Анне ещё полстакана, которые она немедленно выпивает и уходит.

ТЁМКИН Вы на самом деле интересуетесь терракотовой армией?

РЕМЕЗОВ Да что же только я? Она теперь волнует всё человечество.

ТЁМКИН Правда?

РЕМЕЗОВ Исключительно волнует. Что это за армия такая? С какой целью создана?!

ТЁМКИН Да!

РЕМЕЗОВ Какие функции надлежит ей выполнить?

ТЁМКИН Да, да!

РЕМЕЗОВ И тотчас следует: а какие функции самим-то нам надлежит выполнить?

ТЁМКИН Точно!

РЕМЕЗОВ Правомочны ли мы заниматься терракотовой армией, когда не можем осознать, кто же мы сами-то есть?!

ТЁМКИН Да, да, да!

РЕМЕЗОВ Кто, почему и зачем?!

ТЁМКИН Да, да, да!

Пауза.

ЮЛИЯ (Прислушивается.) Анатолий, ты сейчас ничего не слышал?
РЕМЕЗОВ Нет.

Пауза.

ЮЛИЯ Мне показалось треск мотоцикла.
РЕМЕЗОВ Нет.

Пауза.

ЮЛИЯ Вслушайся хорошенько.
РЕМЕЗОВ (Прислушивается.) Да нет ничего.

Пауза.

ЮЛИЯ А вы, Дмитрий Ильич, ничего не слышите?
ТЁМКИН (Прислушивается.) Вроде, тишина.

Пауза.

ЮЛИЯ Выходит, показалось. (Пауза.) Скоро будет совсем темно. (Пауза.) Поехать
ему навстречу?

РЕМЕЗОВ Но ты же знаешь, он не любит этого.

ЮЛИЯ А если он не найдёт дорогу?

РЕМЕЗОВ Найдёт. Сообразительный мальчуган. Порой, даже, чересчур.

ЮЛИЯ Ну, не знаю.

Ольга читает.

Тёмкин наполняет стаканы.

ТЁМКИН Выпейте вина, Юлия Сергеевна.

ЮЛИЯ Бедные, бедные дети.

ТЁМКИН Мне не терпится узнать ваше мнение.

ЮЛИЯ Ведь они всё-всё понимают.

Юлия выпивает, зажмуривается от удовольствия.

ТЁМКИН Каково?

Пауза.

ЮЛИЯ Дивное вино.

ТЁМКИН А что я говорил?

Пауза.

ЮЛИЯ Как будто привкус муската.

ТЁМКИН Нет.

Пауза.

ЮЛИЯ Неужели, Лидия?

ТЁМКИН Нет.

Пауза.

ЮЛИЯ Что же это?

ТМКИН Нектар, пища богов.

Пауза.

ЮЛИЯ Что ждёт меня впереди? Одни лишь тени да сквозняки.

ТЁМКИН Всё своими руками.

Пауза.

ЮЛИЯ Я потрясена.

Пауза.

ТЁМКИН Своими руками. Клянусь вам.

Пауза.

ЮЛИЯ Бедная, бедная Анна.

Пауза.

ТЁМКИН А хотелось бы вам увидеть, как я готовлю его?

Пауза.

ЮЛИЯ Она всё-всё понимает.

Пауза.

ТЁМКИН А вы, Юлия Сергеевна, судя по последним вашим высказываниям, тоже имеете склонность к дискуссии?

ЮЛИЯ Я, Дмитрий Ильич, предпочитаю чувства, страсть. (Пауза.) Безумную, безумную страсть. (Пауза.) Хочется выгореть дотла. Ведь осень уже, Дмитрий Ильич, осень.

ТЁМКИН (Ремезову.) Какая тонкая натура!

ЮЛИЯ Но скоро всё это будет в далёком прошлом. (Пауза.) Что ждёт меня впереди? Одни лишь тени да сквозняки.

Пауза.

ТЁМКИН А вот ваш супруг, Юлия Сергеевна, отменный спорщик.

ЮЛИЯ Соловей. (Пауза.) Поверьте. Мне их действительно безумно жаль.

Пауза.

ТЁМКИН Какой вы замечательный человек, Юлия Сергеевна!

ЮЛИЯ И деток. (Пауза.) И Анну. (Пауза.) Анна совсем как ребёнок. (Пауза.) Маленький, не больше мизинца. (Пауза.) Но всё-всё понимает.

ТЁМКИН Ах, ты, Боже мой! Что же делать, Юлия Сергеевна?

ЮЛИЯ Но как, ответьте мне, как совместить безумную страсть и жалость? (Пауза.) Гремучая смесь струится в моих жилах! (Пауза.) В любую минуту я могу погибнуть на ваших глазах, Дмитрий Ильич! Меня разорвёт на тысячи мелких кусочков!

ОЛЬГА (Прерывает чтение.) Юленька, хочешь, я разберу тебе постель, и ты немного поспишь?

ЮЛИЯ Капрал. Ты – капрал, Ольга. С малых лет топтала ты меня своими коваными сапогами!

ОЛЬГА Хорошо. (Пауза.) Ну, так что, идём?

Пауза.

ЮЛИЯ Анатолий, где наш мальчик?

РЕМЕЗОВ В пути.

Пауза.

ЮЛИЯ Говорят, что ты отменный спорщик, Анатолий?

ТЁМКИН Блистательный собеседник!

ЮЛИЯ (Ремезову.) Отчего бы тебе, в таком случае, не вызвать кого-нибудь на дуэль? Принц Гамлет, насколько я знаю, делал это по нескольку раз на день.

РЕМЕЗОВ Хочешь, я отнесу тебя в комнату?

ЮЛИЯ Да? И что ты будешь там со мной делать?

ОЛЬГА Юлия, он дело говорит!

ЮЛИЯ Чушь! Он за всю свою жизнь не произнёс ничего путного. (Закрывает глаза.)

РЕМЕЗОВ Вот это, Дмитрий Ильич, называется репетицией смерти.

В дверях появляется Анна. В одной её руке удочка, в другой – пустое ведро. Руки и платье в пятнах крови. Присутствующие не видят ее.

ТЁМКИН Нет, нет, это не то. Это совсем другое. (Пауза.) Это – страстная, артистичная натура. Она переполнена любовью, разве вы не видите? (Пауза.) Это пройдёт, Анатолий Павлович, это скоро пройдёт. (Пауза.) Вы ещё будете жалеть об этом. (Пауза.) Когда однажды вы увидите перед собой тихую, домашнюю, но в одночасье постаревшую женщину – ваше сердце сожмется. Вы подумаете, – Что же я наделал? Вам выть захочется, но возврата уже не будет. (Пауза.) Простите, простите и поймите её сейчас. Поверьте, этим вы и себя сохраните.

Анна роняет ведро.

ОЛЬГА Что случилось?! Что с тобой, Анюта?!

АННА (Кладёт удочку на пол.) Вот.

Пауза.

ОЛЬГА Что означает это «вот»? Что, что, что случилось?!

АННА Ему не было больно. Он ничего не понял.

Пауза.

ОЛЬГА Да кто же?! Я ничего не пойму, что случилось?

АННА Папочка.

Пауза.

ОЛЬГА Что, папочка, что?!

АННА Я убила его. (Пауза.) Задушила леской. (Пауза.) Я не хотела... (Плачет.) Я не хотела, чтобы он мучился! (Оседает на пол.)

Пауза. Тёмкин срывается с места и бежит в дом. Пауза. Ольга Сергеевна поднимается и устремляется за Тёмкиным. Пауза. Юлия Сергеевна и Ремезов следуют за Ольгой. Пауза.

Анна Сергеевна тяжело поднимается, подходит к столу. Наливает в стакан вино. Садится. Некоторое время сидит без движения. Выпивает. Берёт со стола яблоко. Откусывает. Некоторое время сидит без движения. Берёт со стола салфетку. Принимается оттирать руки. Без видимого успеха. Оставляет это занятие.

Входит Сергей Петрович Томилин. Садится за стол. Смотрит на часы. Качает головой. Начинает есть. Ест с жадностью, точно торопится. Слышно, как работают его челюсти.

Входят Анна Сергеевна, Юлия Сергеевна, Тёмкин и Ремезов. Увлечён ужином, Сергей Петрович не обращает на них ни малейшего внимания.

Анна Сергеевна, Юлия Сергеевна, Тёмкин и Ремезов, шокированные увиденным некоторое время остаются без движения, затем подходят к столу и занимают свои места. Принимаются ужинать. Без слов. Первой заговаривает Ольга.

ОЛЬГА (Очень спокойно.) Откуда у тебя кровь, Анюта?

АННА Я чистила рыбу.

Пауза.

ОЛЬГА Зачем ты это выдумала? (Пауза.) Ты понимаешь, что это гадко?

АННА Уж я всё сказала.

Пауза.

ОЛЬГА Что ты сказала?

АННА Я не хочу, чтобы он мучился, как я.

Пауза.

ОЛЬГА Ты не знаешь, что обманывать нехорошо?

АННА Я не смогла сделать этого.

Пауза.

ОЛЬГА Жалеешь?

АННА Не знаю. (Пауза.) Ты будешь пороть меня?

ОЛЬГА А как ты думаешь?

Пауза.

АННА Будешь.

Сергей Петрович поднимается из-за стола, усаживается на стул.

Анна Сергеевна подходит к нему, ложится на колени.

АННА (Ремезову.) Пожалуйста, закройте глаза.

Ремезов закрывает глаза.

ОЛЬГА Дмитрий Ильич, помогите нам, пожалуйста.

Тёмкин извлекает из штанов ремень.

Останавливается. Прислушивается.

На фоне тишины отчетливо слышен звук осы.

К гудению присоединяется далекий рокот мотоциклов.

Мотоциклов не меньше десятка.

Рокот усиливается, и, в конце концов, становится невыносимым.

Присутствующие морщатся и закрывают уши руками.

Затемнение.

